

Александр Прозоров

Темный Дорд

Темный Лорд

Александр Прозоров

Темный Лорд

«Автор»

2008

Прозоров А. Д.

Темный Лорд / А. Д. Прозоров — «Автор», 2008 — (Темный Лорд)

Темный Лорд издавна считался символом зла для всего магического сообщества. Несколько веков назад на пути к власти он залил Землю кровью чародеев и колдуний, и только чудом его удалось остановить, отправив в мир мертвых. Однако одно из великих пророчеств предупреждало, что Темный Лорд вернется и снова начнет свое страшное дело. Он действительно вернулся! Но как ни странно – свою войну могучий черный колдун начал не с попытки уничтожить великих магов или ордены чародеев. Всю свою возродившуюся мощь Темный Лорд обрушил всего лишь на одного из учеников школы, Битали Кро. Удастся ли юноше если не выстоять, то хотя бы выжить в неравной борьбе? Чем вызвана ненависть древнего колдуна именно к нему? Кто из учителей и друзей Битали Кро станет для него надежной опорой, а кто окажется тайным союзником жестокого мага? Большая война наступает.

© Прозоров А. Д., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Башня Кролик	5
Орден Пяти Пророчеств	17
Клятва Грифа	32
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Александр Прозоров

Темный Лорд

Башня Кролик

Пасмурным осенним вечером желтый «пежо», раскрашенный шашечками такси, прошелестел колесами по влажным известковым плитам, которыми была выложена дорога вдоль длинного обветшалого забора высотой в полтора человеческих роста, и остановился перед покосившейся кирпичной аркой. За ней открывался заброшенный сад: высокие яблони с узловатыми потрескавшимися ветвями могли похвастаться от силы десятком плодов, неухоженный шиповник расплзся на все пространство между стволами, тесно переплетаясь с пожухлым бурьяном. Дальше, уже в десятке шагов от ворот под кронами царил непроглядный мрак.

– Вы уверены, мадам, что вам нужно именно сюда? – Приоткрыв дверцу, водитель выставил ногу наружу и чуть сдвинул назад кепку с лаковым козырьком.

– Вы проникли в частные владения!

От низкого баса таксист шарханулся назад в машину и дернул дверцу, прищемив собственную ногу.

– Фу ты, испугал! – с трудом перевел он дух. – Откуда ты взялся? Я и не заметил, как ты подошел...

– Это частные владения, – угрюмо повторил упитанный бородач в суконной пилотке и такого же материала длинной куртке, опускающейся до самых голенищ высоких охотничьих ботфуртов. На плече незнакомца стволом вниз свисала потрепанная двустволка, широкий ремень оттягивала плотно набитая брезентовая охотничья сумка. – Если вам нужно в Ренс или Нант, поезжайте прямо до Ла-Фроманса, там будет стоять указатель. Если вы ехали в Бовель, то повернули слишком рано, возвращайтесь на шоссе.

– У меня приглашение, – вышла на дорогу пассажирка, худощавая невысокая женщина в твидовом костюме с юбкой чуть ниже колен. Шляпка с вуалью, что закрывала ее лицо, смотрелась с этой одеждой совсем не к месту, но, видно, без плотной вуали сейчас эта дама обойтись не могла. После недолгих поисков в сумочке на свет появился конверт без марки, украшенный на левой стороне изображением змеи, сплетенной в восьмерку и кусающей себя за хвост.

– Простите, мадам, – сменился бас охотника приятным баритоном. – В замке будут очень рады встрече. Я заберу вещи и провожу племянника к хозяйке.

– Могу проехать к дому, – предложил водитель. – Только дорогу покажите.

– Туда, – указал за арку охотник. – Всего полмили по прямой.

Таксист хмыкнул, заглушил двигатель и пошел открывать багажник. Наружу тем временем выбрался еще один пассажир: коротко остриженный мальчуган лет четырнадцати с янтарными глазами, слегка оттопыренными ушами и чуть приплюснутым носом. Одет он был в чистенький коричневый костюмчик, бирюзовую рубашку и бежевый галстук с косой зеленой полоской. Паренек окинул взглядом сад и длинный забор с растрескавшейся кладкой, но тут женщина обхватила его и крепко прижала к себе.

– Какой ты уже большой, Битали, – шлопнув, прошептала она. – К концу года, похоже, меня перерастешь. Веди себя хорошо. На Рождество увидимся. Ну, ступай, мой мальчик. До ночи тебе нужно еще многое успеть. Пиши обязательно. Все, беги.

Женщина подняла вуаль, поцеловала сына в глаза, поспешно опустила сеточку, нашарила пальцами в сумочке платок, но не вытащила, а только скомкала его.

– До свидания, мама. – Битали торопливо поцеловал ее в щеку, отступил, коротко помаhal ладонью. – Отцу передавай привет. Я напишу.

Мальчишка развернулся, быстрым шагом вошел в арку ворот – и оказался в сладко пахнущей мертвой тишине. Казалось, в заброшенный сад не проникал ветер, здесь не жили ни птицы, ни насекомые, ни мелкие зверьки. Тишина стояла полнейшая. Неестественная... Битали замедлил шаг, оглянулся. Охотник, обещавший отнести его вещи, исчез неведомо куда. Машины на дороге тоже видно не было. Похоже, такси уже умчалось, скрывая от сына слезы матери.

– Понятно... – пробормотал мальчик, воровато оглянулся, сунул руку за пазуху и вытянул небольшую лакированную палочку цвета вишни, толщиной с мизинец и длиной немногим больше ладони. Он сделал глубокий вдох, на миг замер, собрав губы в плотную бабочку, и резко рубанул палочкой перед собой: – Обсессиион!!!

Мир впереди дрогнул, качнулся прозрачной волной и зашевелился: задрожали листья на деревьях, защебетали птицы, со всех сторон разом застрекотали кузнечики. Увы, даже после снятого наваждения сад остался заросшим и неухоженным – но теперь на земле проглядывала тонкая тропка, указывающая путь меж кустов. Битали задвинул палочку в плотно сжатый кулак и направился вперед, стараясь не испортить костюм о разбросанные по веткам шипы. Кроны вековых яблонь, своею мощью больше походивших на дубы, сдвинулись над головой, с каждым шагом становилось все темнее.

Между тем в ожившем мире помимо беззаботного щебетания появились и другие, отнюдь не столь радостные, звуки. Жалобное поскуливание, отрывистый лай. Одиноким протяжный вой, возникший справа и быстро сместившийся за спину. Шуршание в траве, шелест пересохшей листвы под деревьями. Впереди, словно огоньки свечей, внезапно загорелись красные огоньки. Загорелись парами – что не предвещало одинокому путнику ничего хорошего.

Юный гость поежился, поймал палочку за кончик, плавно вытянул из кулака – но хода не замедлил. Еще десяток шагов, и в сумраке прорисовались крупные серые силуэты шести волков: широкие, ходящие ходуном грудные клетки, полуоткрытые пасти, из которых на землю тягуче падала кровавая слюна.

– Обсессиион!!! – опять рубанул воздух Битали.

Однако на этот раз ничего не изменилось. Волки никуда не исчезли. Двое из них даже несколько раз насмешливо тьякнули. Стая разомкнулась и стала обходить мальчика с боков. Тот попытался, прикусил губу, быстро соображая... и вдруг расплылся в широкой улыбке:

– Цвакхет! – коротким выпадом указал он на одного из волков. – Цвакхет! Цвакхет!

В первые секунды показалось, что заклинание не помогло, но очень скоро попавшие под магическую атаку звери забеспокоились, начали разбегаться. Юный чародей направил палочку на тех волков, что обходили его справа. Двое, не дожидаясь нападения, отбежали, два других поднялись на задние лапы, оказавшись ростом выше мальчика, и угрожающе зарычали.

– Ближе не подходите, – направил на них палочку Битали. – Кто вас знает, метаморфов. Как мне пройти к директору школы?

Оборотни опустили на четыре лапы и закрыли пасти. Обменялись взглядами. Один коротко, по-собачьи, тьякнул и потрусил через сад. Мальчик заторопился следом. Уже через несколько минут сад расступился, и перед гостем предстал окруженный ярким и зеленым стриженным газоном величественный замок, сложенный из огромных бесформенных валунов, тем не менее совпадающих друг с другом настолько точно, что следов раствора между широкими полосами сухого серого мха нигде не просматривалось.

Судя по узким высоким окнам, начинающимся в трех человеческих ростах от земли, это могучее укрепление за последние века не перестраивалось. Зубцы устремленных в небо башен по его углам хоть сейчас готовы были заслонить от врага лучников, массивные ворота – выдержать удары тарана, обширные укрытия – вместить сотни защитников. Но сейчас десяток мальчишек в парусиновых штанах и футболках гоняли между контрфорсами мячик, а бойницы и смотровые окна были аккуратно застеклены.

– Домовые отнесут ваши вещи к вам в комнату, мсье, – оказался уже здесь встретивший его на дороге охотник. – Если, конечно, профессор Артур Бронте согласится принять вас в школу. Идите за мной. . .

Сдвинув приклад вперед и положив на ружье руки, мужчина направился к самой высокой башне, увенчанной островерхим зеленым шатром. Чуть отстранился, пропуская Битали вперед к стене, положил руку ему на плечо. . . Желудок мальчика резко колыхнуло вверх-вниз, качнуло вправо-влево, дыхание перехватило. Битали закашлялся, а когда взял себя в руки, обнаружил, что находится в светлом кабинете с готическими окнами, выходящими на все стороны света.

– Надеюсь, вы не жалуетесь на здоровье, юноша? – услышал он голос, вкрадчивость которого скрывала довольную усмешку. – К сожалению, размеры сторожевой башни столь малы, что в моем кабинете не осталось места для двери. Приходится обходиться.

Попав на яркий свет после лесного полумрака, мальчишка никак не мог различить, с кем разговаривает. Его невидимый собеседник тем временем неторопливо шуршал бумагами.

– Битали Алистер Кро. . . – задумчиво произнес он. – Вы знаете, что занятия в школе идут уже три недели?

– Мне очень жаль, профессор Бронте. – Мальчик был уверен, что беседует именно с ним.

—
К сожалению, у нас дома случился пожар, учебники и принадлежности пришлось закупать снова. Шить одежду согласно правилам вашей школы. . .

Я постараюсь наверстать упущенное, профессор.

– Да уж, придется постараться, мсье Битали Кро. . .

Глаза наконец привыкли к свету, и мальчик смог различить за массивным глянцевым столом невысокого щекастого профессора. Большая голова над узкими плечами, длинные волосы с проседью придавали ему вид воробьиного филина, пусть и умного – но слишком маленького для столь большого кресла и звания.

– И впредь приезжайте, пожалуйста, не прямо сюда, а к озеру Де Леври, по ту сторону дороги. Появление отдыхающих у воды не привлекает постороннего внимания. Сюда же от озера ведет удобный подземный ход.

– Вы хотите сказать, что я принят, мсье директор?! – Волна радости и облегчения ощутило прокатилась по всему телу Битали.

– Я полагаю, сам факт вашего присутствия в сем кабинете доказывает ваши способности, юноша, – добродушно улыбнулся «воробьиный филин» и закрыл толстый журнал в кожаном переплете. На пальце блеснула рубиновая искра от печатки с золотой змейкой, свернувшейся в восьмерку. – Да, мсье, Кро. . . Я надеюсь, наши охранники не пострадали?

– Что вы, профессор, – мотнул головой новый ученик. – Я знаю, что они не опасны для магов, и обошелся лишь заклинанием слабости. Мне показалось, ваши метаморфы недавно перекусили, и слабость в желудке быстро отвлекла их от моей персоны.

– Вы молодец, юноша, – кивнул директор школы. – Правда, теперь придется кормить их ужином еще раз.

– Опасных существ для отпугивания смертных используют во всех школах, – поспешно, словно оправдываясь, ответил мальчик. – Иногда очень ценных. В школе Роустера, например, в озере у школы живут два Каролинских дракона. Если нанести им вред, диплома об окончании точно не получишь.

– Вижу, вы повидали немало, мсье, – сложил ладони перед собой Артур Бронте. – Сколько же школ вы поменяли?

– Это четвертая, профессор.

– Были проблемы с успеваемостью?

– Нет, профессор. . . – Радость в душе Битали погасла так же быстро, как появилась. – Скорее, бытовые проблемы. К сожалению, в домах, где мы поселяемся, часто случаются пожары.

Видимо, родовое проклятье, от которого трудно избавиться. Из-за пожаров родители были вынуждены переезжать.

– Пожары случались при вас?

– Я тут ни при чем! – невольно повысил голос мальчик. – Я ничего не поджигал!

– Охотно верю, – кивнул Артур Бронте. – Но на мне лежит ответственность за жизнь и здоровье всех учеников. Я обязан принять все меры безопасности на возможный случай неконтролируемого пирокинеза. Вы уже совсем взрослый юноша, и вы меня поймете. Поступим так. Я прикажу поселить вас в башне Кролик. Она лишь примыкает к стенам замка, и пожар... которого, я уверен, не случится... Пожар не сможет перекинуться на здание школы.

– Кролик? – переспросил Битали. – Странное название для военного бастиона.

– Рассказывают, – расцепил пальцы директор, – будто первый владелец замка как-то теплым солнечным днем увидел с этой башни пробегающего внизу кролика. И столь стремительно кинулся к краю стрелковой площадки, что не удержал равновесия и рухнул наземь. Да еще и мимо злополучного зверька. С тех пор имя «Кролик» и утвердилось за одной из частей замка. Однако мы с вами заболтались, мсье Битали Кро. Подробности расписания дня, уроков и правила поведения в нашей школе вам сообщит староста башни.

Артур Бронте поднял с правого угла стола колокольчик, встряхнул его. Не успев услышать звонка, Битали ощутил знакомый рывок желудка вверх и вниз. Однако оказался не на улице, а в сумрачном прохладном коридоре, который подсвечивался лишь яркими окнами дома, что был выткан на украшающем каменные стены гобелене, и бледно-желтой луной, светящейся на ковре чуть дальше. Под луной, по черным от времени доскам пола неторопливо шествовали его вещи: мягкий вместительный чемодан, кофр с учебниками, портфель и сумка с вещами. Короткие, толстые и мохнатые ноги проглядывали только из-под чемодана – однако Битали знал, что домовые по своему характеру всегда скрытны и часто отводят чужие взгляды даже не по необходимости, а просто по привычке. Не любят, чтобы их видели, и все.

Словившись, Кро побежал следом за здешними хранителями порядка и вскоре шагал рядом с порхающим на уровне колена портфелем. Поворот, небольшой переход, еще поворот, долгий путь по коридору... Изнутри замок явственно превышал себя самого снаружи. Еще поворот – и собранное для Битали добро легко и непринужденно исчезло под брюхом полусидящего мраморного сфинкса. Мальчик, наклонив голову, попытался пройти следом – но только больно ударился головой о каменное брюхо.

– Вот те раз, – попятился он, растирая ушибленный лоб. – Похоже, в этой школе никто не знает о существовании дверей.

Откуда-то потянуло слабым влажным сквознячком, дернул языками пламени и громко затрещал костер на ближнем гобелене, на мальчика ехидно скосили глаза собравшиеся возле огня охотники, даже фыркнула собака у ног одного из них.

– Вы не знаете, как пройти в башню Кролик? – поинтересовался у них Битали.

Вытканые на толстом полотне люди промолчали, словно и не услышали. А может, и правда не слышали – кто их знает, на гобеленах-то?

– Лучше бы картины повесили, – вздохнул Кро. – С ними хоть поговорить можно.

– Крайне неверное утверждение, – с легким потрескиванием выходя из стены между коврами, парировал взъерошенный мужчина в бесформенной шапочке. – Картины есть обычный холст, запечатлевший на себе фрагмент из жизни. Гобелены же и ковры вытканы из живой шерсти, имеющей собственную историю и влияние. Опять же, в шерсть несложно добавить волос единорога или мохнатого змея, которые... что?

– Непроницаемы для магического воздействия, – неохотно закончил фразу Битали.

– Безукоризненно верно, – вскинул указательный палец собеседник. – Однако я вас совершенно не помню, юноша. Вы с какого курса?

– Я новенький, мсье, – признался мальчик. – Приехал всего час назад. Битали Кро.

– Очень приятно, юноша, это многое объясняет, – вежливо склонил голову собеседник. – Значит, вы станете изучать у меня шаманизм и естествознание. Меня можно называть «профессор», либо профессор Филли Налоби. Или я это уже говорил?

Профессором преподаватель отнюдь не выглядел: тусклые серые туфли, кожаные штаны, усеянные темными пятнами; из-под короткой бирюзовой бархатной курточки выглядывала коричневая сорочка, с левой стороны заправленная за пояс, а с правой – выпущенная наружу. Под мышкой мсье Филли Налоби держал толстенную пачку исписанных листов, такую же лохматую, как и его голова. Больше всего профессор напоминал опаздывающего на экзамен студента. Да и возрастом выглядел ненамного старше.

– Да, мсье, – кивнул Битали.

– Да, – согласился профессор. – На чем мы остановились? А, да... Поскольку наши воспитанники в большинстве хорошо овладевают навыками хождения сквозь стены, руководство школы решило закрыть их гобеленами, дабы юноши не бродили где ни попадя. В разрешенных для прохода местах оставлены достаточные промежутки.

– Не проще было двери сделать? – тихо поинтересовался Кро.

– Крайне неверное утверждение! Данный замок был построен маркизом Клодом де Гуяком в начале четырнадцатого века, в годы печального Третьего Пророчества, в преддверии знаменитой Большой Войны. Он оказался чуть ли не единственной твердыней, вынесшей все осады и штурмы как войсками мятежников, так и толпами безнадзорных смертных. Нельзя сказать, чтобы нога противника ни разу не ступала в эти помещения, но отсутствие дверей неизменно путало осаждающих, лишало их ориентировки... Ну, а смертные – так те и вовсе сквозь камень ходить не умели. Да и сейчас вроде бы не умеют.

– Маркиз де Гуяк – это тот, который с башни за кроликом прыгнул? – вспомнил рассказ директора Битали.

– Нет, что вы! – отмахнулся свободной рукой профессор Налоби. – Барон Бажо вообще не имеет отношения к замку. К моменту своей смерти он едва успел закончить эту башню, да и то не полностью! Именно из-за недостроенной площадки он и погиб. Оступился на краю кладки. К маркизу де Гуяку обратилась его вдова в поисках защиты. В те времена, знаете ли, у смертных правил не закон, а меч, и на оставшиеся без хозяина земли тут же возникли желающие. Маркиз принес женщине клятву защищать ее всеми силами от любых опасностей и сдержал свое слово до конца. Баронесса прожила, если не ошибаюсь, двести семь лет, ни разу не заболев, не поцарапавшись и не ушибившись. Она отошла так тихо и покойно, что до сих пор не знает о своей смерти, прогуливается по замку и ночует в спальне в женском корпусе. Все обитатели замка называют ее хозяйкой и мадам, а себя – ее гостями. Кстати, юноша, попрошу вас это запомнить.

– Да, профессор.

– Теперь, юноша, возьмите свою палочку и встаньте вот здесь, рядом со мной. Видите стену между коврами?

Кро кивнул. Сплошную кладку с известковыми прослойками было очень трудно не заметить.

– Прекрасно! Толщина здесь – примерно две ладони. Сосредотачиваете силу и взгляд на кончике своей палочки, на выдохе направляете его вперед, проталкиваете, не останавливаясь, пока он не окажется по ту сторону, а затем протягиваете за палочкой все тело. Это заклинание мы называем «онберик», действие производится на выдохе, в момент обрыва заклания. Демонстрирую...

Профессор Налоби кашлянул, встал к стене чуть боком, вскинул палочку перед собой, сузил глаза, словно целясь через нее в выпуклый валун:

– Онберик!

Он воткнул палочку в стену, погрузив в камень до запястья, а затем скользящим движением выгнулся, качнулся вперед, как бы протекая в получившееся отверстие. Камень раздвинулся, плотно скользя по плечам, согнутой и плотно прижатой к животу ноге, встряхнул зажатые под мышкой бумаги. Наконец «всосалась» левая нога – и стена с легким треском сомкнулась.

Битали достал свою палочку, погладил через рубашку висящий на груди рубиновый амулет, нацелил кончик палочки в окаменевший за семьсот лет раствор между серыми камнями:

– Онберик! – Он сделал выпад, словно шпагой, и чуть не сломал палочку, жестко упершись в стену.

Кро отступил, облизнул губы, сосредотачиваясь:

– Взгляд и силу на кончик, проталкиваю его на выдохе... Онберик!

И опять палочка только жалобно хрустнула в его руке.

– Ну что? – «Перетек» из стены в коридор профессор. – Получается?

– Онберик! – зло выкрикнул Битали и в третий раз попытался пронзить вишневой палочкой холодный гранит.

– Крайне неверно, юноша! – покачал головой преподаватель. – Во-первых, кричать совершенно ни к чему, это не дает никакого эффекта. Опорное слово произносится на выдохе, энергично, а не громко, дабы помочь выплеснуть внутреннюю силу в точку ее приложения, касание же происходит в момент произнесения «к». Будьте любезны.

– Онберик! – В этот раз свою злость Кро выплеснул не в крике, а в желании протолкнуть сквозь стену кончик палочки. Одновременно с окончанием слова Битали ткнул ею в стену, успел подумать, что сделал это слишком рано, но не ощутил под рукой опоры – и не прошел, а провалился через стену, растянувшись на полу под столом, между перекрещенными дубовыми ножками.

– Грубовато, конечно, юноша, техники никакой, – задумчиво произнес над ним профессор, – однако для первого раза неплохо. Я бы даже сказал, энергично. У вас очень хорошие задатки, молодой человек. Природные. Если их подкрепить грамотными упражнениями и правильным образованием, вы сможете превзойти самого маркиза де Гюяка, нашего первого директора и основателя... Хотя, наверное, правильное будет наоборот.

– Надеюсь, профессор, ваша школа сможет дать мне это образование? – Поднялся Битали. После первого успеха его настроение сразу улучшилось.

– Безусловно, юноша, – кивнул профессор Налоби, поморщился и огляделся: – Зачем же я сюда возвращался? Ах да! Оставить контрольные...

Он сгрузил стопку листов из-под мышки на стол, чуть подвинул, смещая сваленные на него картонные папки и книги, одни из которых выглядели древними фолиантами, другие – блестели яркими глянцевыми обложками.

Все четыре стены небольшой комнаты были заставлены высокими, под потолок, застекленными стеллажами. Исключение составляли лишь два проема: для выходящего во двор окна и на стене напротив. Правда, под окном стояли ряды мисок с молоком, поверх которых лежали толстые ломти хлеба. Все полки были заняты: книгами и папками, горшочками, мешочками, шкатулками. На одной Битали увидел солидный запас заячьих лапок, на другой – гусиных перьев, на третьей – плотно составленные обычные хлебные батоны. Профессор же, не без труда обеспечив стопке контрольных устойчивое положение, облегченно вздохнул, утер ладонью лоб:

– Хоть бы дождь прошел. Не жарко, не холодно. Душно. – Он повернулся к Битали, вскинул волшебную палочку, на миг замер, чуть склонив набок голову, хмыкнул: – Какие у тебя глаза... Чистый янтарь. В наше время такие глаза большая редкость... Да... – Мсье Налоби о чем-то задумался, но уже через несколько мгновений спохватился: – Ах да, на чем мы остановились? Стена... Давайте, юноша, попробуйте еще раз. Как, говорите, вас зовут?

– Битали Кро, профессор.

– Прошу вас, мсье Битали, – приглашающе указал на стену преподаватель.

Мальчик подошел к преграде на расстояние вытянутой руки, коснулся ладонью холодного камня, потом вскинул палочку:

– Онберик!

В этот раз его вишневая древесина пробила древние валуны с первой попытки, а Битали, по мере сил, постарался не вломиться вперед, а протиснуться, раздвигая стену, в готовое отверстие – и с легкостью вернулся в сумрачный коридор.

– Неплохо, неплохо... – Преподаватель вышел наружу почти одновременно с ним. – Думаю, теперь вы сможете проникнуть в свою комнату без особого труда.

– Благодарю вас, профессор. К сожалению, мне неизвестно, где она находится. Домовые несли мои вещи, вошли под сфинкса... А дальше он меня не пустил.

– Что же вы сразу не сказали, юноша?! – округлил глаза Филли Налоби. – Это же крайне меняет дело! Минуточку...

Он похлопал себя по курточке, сунул руку куда-то за пазуху, извлек серебряный колокольчик и коротко потрянул им два раза. Прислушался, потом резко опустил руку, указывая под гобелен с охотниками пальцем с неровно обкусанным ногтем:

– Я слышу тебя, Фич! Перестань стучать башмаками и скажи, куда вы поместили на первое время этого юношу?

Ответа Битали не услышал, но вот профессор чему-то удивился:

– Башня Кролик? Ну, если это приказ директора... Пойдемте, Кро... – От сфинкса преподавателя отделяло всего пять шагов. Мальчику, который успел его обогнать, двигаться и вовсе не пришлось. – Это... э-э-э... решение все еще больше упрощает. Для первокурсников и отстающих возле башни предусмотрен самый простой путь. Направляете палочку этому изваянию между глаз, касаетесь и произносите нужное место: «Верхний боевой ярус!»

Профессор звонко щелкнул сфинкса по носу и, наклонившись, нырнул ему под брюхо.

– Верхний боевой ярус! – Битали воспроизвел движение Налоби в точности, нырнул между каменными лапами, ощутил знакомый рывок желудка, и по глазам ему тут же ударил яркий свет.

– Хорошее место, юноша.

Одно из окон заслонила тень, и Кро смог наконец-то различить окружающее. Совершенно круглая в плане комната радиусом примерно в десять шагов, восемь узких высоких окон, мощные тяжелые балки на потолке, плотно подогнанные доски снизу. Когда-то здесь, несомненно, и вправду стояли самострелы и лучники, дежурили в ожидании врага храбрые воины. Но теперь бойницы были забраны стеклами, станины орудий заменили письменные столы, сундуки и кровати, вместо очага для кипячения смолы стоял открытый на две стороны небольшой камин. Правда, без трубы. То ли недоделанный, то ли дым из комнаты должен был исчезать иным путем.

«Ничего, разберемся, – решил Битали. – Главное, что постелей всего две. Не общая казарма, как в Гринике».

– Отличный отсюда вид открывается, юноша, – произнес замерший у окна профессор Налоби. – Идите ко мне, полюбуйтесь.

Новый ученик школы маркиза де Гуяка подошел ближе, щурясь на заходящее солнце. Отсюда, с высоты примерно шестизэтажного дома, глаз без труда охватывал пространство на добрый десяток миль. Далеко под ногами начиналось зеленое море древесных крон. Ветер колыхал ветви, и казалось, что волны и вправду перекачиваются с места на место, устремляясь к далекому горизонту. Правда, кое-где в это пространство врезались песчаные полосы, судя по цвету – пшеничные поля или свежее жнивье. Слева, у самого края неба и земли поблески-

вало обширное зеркало. Видимо, то самое озеро, о котором говорил директор Бронте. Место приезда и отбытия учеников...

Битали вдруг понял, что профессор Налоби, пользуясь случаем, вглядывается в его ярко освещенные глаза, и, отступив к оставленному возле камина чемодану, спрятал палочку и взялся за ручку.

– Кро... Кро... – пожал плечами Филли Налоби. – Не помню такого рода среди магического сообщества. Ты ведь наследственный чародей, не так ли?

– Мы не коренные французы, профессор, – глядя чуть в сторону, пояснил Битали. – Мы переехали из Швейцарии.

Про несколько других мест проживания, сменившихся за время пути из Швейцарии во Францию, мальчик решил умолчать.

– Может быть, – не стал спорить преподаватель. – Кро... Очень интересно. Успехов вам в нашей школе, юный Битали Кро. Думаю, уже завтра мы увидимся на уроке. Приготовьте справочник Латрана и толстые кожаные перчатки... Ах да, разбирайте вещи, не стану отвлекать.

Налоби пересек комнату, стукнул палочкой по стеклу выходящего во двор окна – и исчез, оставив после себя лишь небольшое облачко пыли.

– Дались ему мои глаза!

Битали снова взялся за чемодан, оттащил его к свободной кровати: несмятой, стоящей между пустым столом и никак не разукрашенным шкафом, – открыл, принялся развешивать сорочки, штаны и куртки по плечикам. До утра они должны были хотя бы отвисеться. А если здешние домовики не ленивы – могут до утра и погладить. Учебники заняли место в ящиках стола, коробочка конфет удобно разместилась под лампой.

К тому моменту, как опустевшая сумка была задвинута под кровать, послышался слабый треск и недовольный чих. У окна возникло существо странного вида: ростом на голову ниже Кро, в ботинках, брюках и в рубашке с закатанными рукавами – но лохматое, как овца, с торчащими в стороны острыми собачьими ушами и приплюснутым носом. Глаза были человеческие, карие. Щеки, да и все пространство от бровей до ключиц – голое. Ладони – черные, однако тыльная их поверхность – лохматая. При этом пальцы не когтями заканчивались, а вполне нормальными розовыми ногтями.

– Ты домовый? – Это было первое, что пришло Битали в голову.

– Сам ты домовый! – недовольно буркнуло существо, расстегивая рубашку. – Это моя комната! Откуда ты тут взялся?

– Директор поселил... – Кро все еще не мог сообразить, с кем имеет дело. – Так что теперь я тоже здесь живу. Меня зовут Битали Кро.

– Тебя-то за что? – Его будущий сосед плюхнулся на кровать и принялся стаскивать ботинки.

– В каком смысле?

– Почему сюда загнали?

– А это что, место заключения?

– Ладно, хорош придуриваться! – Бросив рубашку на спинку кровати, сосед упал на постель и с наслаждением потянулся, благо при его росте это получалось даже с закинутыми за голову руками. – Я недоморф, меня за урода держат, вот я сюда от всех и отвалил. Пошли они все к чертям собачьим! Ларак и Комби ниже этажом просто дураки, с ними никто дела не имеет. Цивик над нами невезучий, его поэтому сторонятся. Дубус, что с ним обитает, зануда страшный. Алак, с первого, воняет, что навозная куча. Тоже, видно, недоморф. Ну, его, понятно, отчего никто в компанию не берет.

– Что за «недоморфы»? – не понял Битали.

– Уж какие есть, – подsunул руки под голову сосед. – Новичков в общие корпуса всегда поселяют. Там они или приживаются, или нет. По друзьям или братствам кучкуются. А тебя сразу сюда. Почему?

Рассказывать о своих проблемах Битали не хотелось – но он понял, что, не будь он откровенным, ответной искренности никогда не добьется.

– У нас дома несколько пожаров случилось, – признался он. – Профессор Бронте почему-то решил, что это из-за меня.

– А-а, пожары, – кивнул сосед. – Тогда понятно. Огонь, он ведь любого колдуна невозвратно убить может. А нас здесь никому не жалко, коли ты и вправду... того...

– Чего «того»? – повысил голос Битали.

– «Неконтролируемый пирокинез» называется. – Рывком сел в постели сосед. – Быть нам тогда с тобой, приятель, в одном костерке головешками.

Он поднялся, подошел ближе:

– Поклянись, что не ты пожары устраивал!

– Иди ты лесом, – отмахнулся Кро, уже жалея, что сказал правду.

– Ладно, не обижайся. – Присел на край стола сосед. – В нашей башне у каждого свой грешок имеется. Давай лучше знакомиться, раз под одной крышей оказались. Меня Надодухом зовут, в честь деда. Я из исконного рода Сенусертов. Слышал?

Битали неопределенно пожал плечами.

– Это все из-за родового проклятья. На иссякание племени. До Второго Пророчества мы знамениты были. Теперь вот – сам видишь. За домового принимают.

– Извини, я же не знал, – смутился Кро. – Вид у тебя, согласишься, не совсем... привычный.

– Ерунда. Я уже такого успел наслушаться, что уж лучше домовым... – Надодух протянул руку. Кро сделал шаг навстречу и с осторожностью ее пожал. Однако силы в пальцах соседа было совсем немного. Как у обычного человека.

– Снять проклятье пробовали?

– Еще бы! – возмущенно фыркнул сосед. – Каждое поколение. Только толку пока ни на гран. Видать, на мне оно окончится. Вместе с родом.

Я ведь последний буду. Здесь за пять лет привыкли, и то пальцем вслед показывают. А как первокурсники наезжают, так сызнова каждый день визги. Кто со мной, таким, свяжется? Со следующего года шаманство себе профилем выберу. Если хорошее место найти, можно и в лесу выжить. Или в горах. Были бы смертные поблизости. А поместье продам.

– Я раньше недоморфов ни разу не видел.

– Ну так полюбуйся. Зрение – как у человека, нюх – как у собаки, руки обезьяньи, шерсть козлиная, – со злостью ответил Надодух. – Все перекидчики или зверьми нормальными бегают, или людьми ходят. А я середина-наполовину застрял.

Правда, злился он явно не на собеседника, а просто на свое горькое невезение.

– Может, еще удастся что-нибудь придумать?

– В нашем роду дети в каждом поколении это слышат. Сперва те, кто вонял. Потом те, кто обрастал. У кого руки чернели, у кого лапы кривились... И так до самого конца. До меня то есть.

– Кстати, а кто у вас староста? – предпочел поменять тему разговора Битали. – Мне говорили, он с правилами меня познакомит.

– Чего знакомить? Все как везде. Первый этаж западной стены – у метаморфов. С магией у них всегда слабо, так им комнаты с дверьми сделали. И вход через ворота. Ночью к ним лучше не соваться. Да и в саду гулять не советую.

– А говоришь, как везде. – Кро отступил к своей постели и сел. – В других школах их вообще никогда не было. Не учили таких.

– У великого маркиза на этот счет имелось крайне свое мнение, – голосом профессора Налоби ответил недоморф. – Его школа изначально базировалась на скрещении дисциплин.

– Этот как? – не понял Битали.

– Пусть профессор Филли объясняет, – отмахнулся Надодух, – не буду чужой хлеб отбивать. Так, что еще? Увидишь в замке даму в шляпе с офигенным пером – кланяйся и называй ее хозяйкой. На прочих призраков плевать. На домовых жаловаться Филли Налоби, на нехватку мыла, полотенца, воды и всего прочего – мадам Лартиг. На второй этаж восточного корпуса не заходить, там комнаты девочек. В северном корпусе живут все остальные. Чего еще? Завтрак начинается в семь и до урока, обед с двух до трех, ужин с семи до десяти.

– Одежда какая?

– Ну, твоя, – окинул взглядом костюм нового ученика недоморф, – это на праздники, выходные, ну и домой обратно ехать. Парусиновая форма – для занятий и обычных дней, а спортивный костюм – для дурасти на улице.

Похоже, играми на свежем воздухе Надодух не увлекался.

– А в комнатах?

– Неограниченно! – Недоморф с некоторой показухой почесал обнаженную мохнатую грудь. – Ты откуда сюда сбежал? Из казармы или тюрьмы?

– Из колледжа Глоу, в Шотландии. Там обязательный общий отбой в десять вечера.

– Пусть они это нашим метаморфам расскажут, – довольно рассмеялся Надодух и вдруг спросил: – Так это ты пожары запаливал или нет?

– Нет, конечно! – отрезал Битали.

– Жаль. – Снова рухнул на постель сосед. – Если бы ты жег, то и бояться нечего. Вот если ненамеренно загоралось... Тогда хуже.

– Душ у вас тут принять можно?

– Хоть два! От сфинкса сорок шагов отсчитай, налево за стеной лестница будет. По ней на два витка вниз, выходи в коридор, опять налево. Ну, а там уже по запаху найдешь.

– Указатели есть, где какие? – уточнил Кро, хорошо зная, как любят шутить над новичками старожилы.

– Ты это про женские, что ли? – усмехнулся недоморф. – Не бойся, все их удобства в их корпусе, туда так просто не попасть. А где профессорские, так я и вовсе не знаю. Учителя едят, умываются и живут отдельно. Дабы престижа не ронять.

– Ясно. Ну ладно, – решил Битали, – на ужин я опоздал, так хоть ополоснусь с дороги.

– Мыло там есть всегда, а вот полотенце прихвати, – посоветовал Надодух.

– Ага, – кивнул Кро, снимая костюм и облачаясь вместо него в полотняную, пахнущую влажным крахмалом, пижаму, перекинул через плечо полотенце, переложил в карман вишневую палочку, но тут же спохватился и достал обратно: в школе маркиза де Гуяка без волшебства было невозможно даже просто выйти из комнаты.

– Я быстро, – пообещал Битали, подступил к подоконнику и легонько по нему стукнул, лихорадочно соображая, что же при этом нужно сказать. Однако магия сама исправно выполнила его желание: мгновение спустя он стоял в коридоре между лапами сфинкса. – Теперь сорок шагов влево.

Мальчик повернул, старательно отсчитал сорок шагов, оказавшись аккурат меж двух ковров, на которых слабо светилась ажурная арабская вязь. Поколебавшись, он прошел еще немного и нацелился палочкой в промежуток перед гобеленом с сияющим белым единорогом:

– Онберик!

Стена раскрылась с удивительной готовностью – вот только оказался он не на лестнице, а в забитой швабрами, ведрами и пыльными тряпками кладовке с крохотным оконцем у самого пола. Закашлявшись, Битали развернулся, снова ударил палочкой в стену – но на сей раз та не поддалась. Видимо, мальчик сдвинулся и оказался за ковром, сотканным с примесью шерсти

единорога. Кро подвинулся, ударил снова – опять безуспешно. Он опять подвинулся – но и третья попытка оказалась неудачной.

– Вот, невезуха, – почесал Битали в затылке. – Ладно, будем мыслить логически. Надодух ростом меня меньше – значит, и шаг у него короче. Наверное, я проскочил слишком далеко, и тогда лестница находится... Где-то с этой стороны...

Переступая через груды старого тряпья, мальчик добрался до нужной стены, взмахнул волшебной палочкой:

– Онберик!

Деревяшка благополучно утонула в камне, юный чародей потянулся следом... И ухнулся с приличной высоты! Может, с половину человеческого роста, а может, больше. Здесь царил полный, непроглядный мрак, под ногами что-то похрустывало, навеяв мысли о костях замурованных в стены пленников.

– Онберик!

И Битали наконец-то вывалился на ступени крутой, закрученной вправо, узкой каменной лестницы. Здесь тоже было темно – но окружающие детали взгляд все-таки различал. Правда, давало это мало: вверх и вниз тянулись одинаковые глухие стены, никаких окон, табличек и, разумеется, дверей. Юный Кро получил отличную возможность оценить мудрость основателя школы. Разобраться, что к чему и куда идти, в замке было невозможно даже в спокойной обстановке. В каком направлении выбираться к коридорам? Какая из стен наружная? Куда попать, если ринуться вправо или влево?

Теплилась, правда, небольшая надежда: если сверху льется свет, то там наверняка должно быть окно. Выглянув из него, можно понять хотя бы, с какой стороны двор, а с какой – улица.

Битали, перемахивая через ступеньку, торопливо взбежал на самый верх...

Разумеется, мудрый француз предусмотрел и это: лестница венчалась башенкой в полтора роста высотой. Свет шел из окон, шедших по самому верху. Ни допрыгнуть, ни забраться по гладкой стене.

Помимо всего прочего – теперь Кро не знал и того, на каком этаже находится. Поди разберись на спиральной лестнице! Мальчик, теперь медленно, спустился примерно настолько же, насколько поднялся, покрутился на ступени, покачивая палочкой.

– С какой же стороны коридор?

Нужно было делать выбор – но воображение очень красочно показывало, как он проходит сквозь стену и обрушивается на зеленую лужайку перед замком с высоты шестого этажа. Так окончить первый свой учебный день Битали не хотел и решил хотя бы спуститься как можно ниже, к уровню земли.

– Альба! – Юный чародей тихонько стукнул палочкой о грудь и двинулся по ступеням, подсвечивая путь огоньком, вспыхнувшим на самом ее острие.

Виток, еще один, еще, еще, еще, еще...

Через несколько минут Битали остановился, поняв, что спускается слишком долго. За это время можно дважды одолеть самую высокую из замковых башен. А ведь идущий от башни Кролик коридор, как он понимал, должен был находиться в корпусе и не очень высоко. К тому же кладка из валунов вокруг лестницы как-то незаметно сменилась ровной известняковой стеной.

– Оскури! – страхнул огонь с палочки Кро, облизнул пересохшие губы и попытался рассуждать вслух: – Если это не морок и я не хожу по кругу, то давно должен попасть куда-то в подвал. Проверить это просто. Если снаружи за стеной нет свободного места, палочка пробить ее не сможет. Если есть – я смогу туда пройти.

На самом деле Битали не был особо уверен в этом предположении: мастерству преодоления стен в предыдущих школах особого внимания не уделялось, – но бродить по спирали ему здорово надоело, и Кро готов был рискнуть, чтобы разорвать бесконечный круг блужданий.

– Вот здесь вроде хорошее место... – Он погладил стену перед собой, постучал по ней согнутым пальцем и, ничего не услышав в ответ, решительно вскинул палочку:

– Онберик! – И тут же скользнул следом за ней.

В обнаруженном помещении было тихо, прохладно и темно. С минуту Битали прислушивался, одновременно надеясь на помощь и опасаясь обитателей этого места. Не дождавшись ни шороха, он зажег слабый «альба». Вокруг прорезались массивные туши винных бочек – каждая размером с индийского слона.

«Все-таки подвал», – с облегчением подумал мальчик, пошарил по карманам, нащупал давно забытый сантиметр, присел и сделал на стене, над самым полом, вертикальную царапину. Теперь он знал, в каком месте можно выбраться назад, если не удастся найти здесь помощи.

Опустив палочку вниз и светя под ноги, Битали медленно двинулся вдоль стены огромного подвала и уже через минуту наткнулся на самую обычную, банальную дубовую дверь из двух створок! Она была заперта – но для мага, прошедшего в школе маркиза де Гуяка хоть один день, это не имело никакого значения.

– Онберик! – небрежно приказал мальчик и оказался в сводчатом коридоре.

Лестница оставалась, по его оценке, где-то справа. Туда он и повернул. Однако очень скоро коридор неожиданно оборвался гладкой ровной стеной, покрытой старой облупившейся штукатуркой. Кро потыкал в нее пальцем, пожал плечами:

– Зачем нужно вырубать в скале проход, никуда не приводящий?

Он колебался всего мгновение – потом вскинул волшебную палочку и уже привычно выдохнул:

– Онберик!

Орден Пяти Пророчеств

Место, в которое попал Битали, оказалось хорошо освещено. Это был сводчатый зал в форме правильного пятиугольника, причем на каждой стене красовалась выложенная крупными сверкающими камнями восьмерка из кусающей себя за хвост змеи. Из нижней петли каждой выступал кронштейн, удерживающий медный факел. Огонь на этих светочах полыхал магический – ровный и сильный, не дающий ни запаха, ни треска, и каждый своего цвета: синий, красный, желтый, зеленый, фиолетовый. Внизу у каждой стены стоял сундук, и тоже соответствующего цвета. Крышки вокруг замочных скважин были надписаны перламутровыми переливчатыми буквами: «Орден Пяти Пророчеств». Обязательное среди магов предупреждение: не трогай, содержимое защищено смертельными заклятиями. Чтобы никто не попытался открыть случайно, перепутав со своим. Про это учеников в школах в первые же дни предупреждают – дабы не сунулись из любопытства в запретное место.

В центре зала стоял массивный стол, тоже пятиугольный, в окружении пяти кресел, обитых сукном разного цвета. Столешницу украшал знак восьмерки – но эта выглядела несколько иначе.

В скрещении линий красовался бирюзовый зубчатый шестигранник – общепризнанный знак хаоса. У верхней петли с разных сторон шли знаки двух первых Пророчеств: знак холода и знак жара. Четыре Пророчества Битали изучал по истории еще в Италии, в Гринике. Первое предсказало Исход, вызванный наступлением на землю Большого Льда, который поглотил легендарную прародину, и помогло магам вовремя начать переселение. Второе Пророчество предсказало Расселение – эпоху расцвета магии, когда чародеев стало так много, что народ страны Ра не мог дать им достаточно сил для жизни. Второе Пророчество указало пусть и трудный, но неизбежный путь спасения и места, куда следовало отправиться основателям новых племен и родов.

Третье Пророчество, оглашенное всего тысячу лет назад, объявило о неизбежности Большой Войны между новыми племенами. Именно в те годы маркиз де Гуак выстроил этот замок и смог уцелеть во время самого страшного, многовекового побоища, когда маги, колдуны и метаморфы истребляли друг друга тысячами и даже использовали смертных для уничтожения врагов.

После Большой Войны земля превратилась в безжизненную пустыню, на которой осталось почти в сто раз меньше магов, нежели в эпоху Второго Пророчества. Именно тогда и прозвучало Четвертое Пророчество – пророчество Единения. Уцелевшие маги всех родов и племен приняли Хартию, провозглашающую единство крови всех чародеев, единство законов и единство будущего. Профессор Вильфердо объяснял, что Единение превратило всю планету в единый народ и единую страну, в которой могут случаться мелкие внутренние неурядицы, но уже не разразится новая Большая Война, поскольку больше не существует по-настоящему крупных и сильных врагов. Мелкие свары и войны между семьями или братствами возникали постоянно, но вот большое кровопролитие стало совершенно невозможным.

Про Пятое Пророчество Битали никогда ничего не слышал. Бродили, конечно, всякие слухи – но никто не воспринимал их всерьез. Однако на столе, на нижней петле восьмерки, оно было отмечено руной огня: сомкнутыми остриями вверх треугольниками. Зато здесь отсутствовал символ Третьего Пророчества: сломанная ветвь.

Кро подошел ближе, провел взглядом по линии восьмерки: Хаос, Исход, Расселение, Хаос, Единение, Огонь, Хаос...

– Так вот оно что, – пробормотал он. – Пророчество Войны и Хаос – это одно и то же...

И после Пятого Пророчества опять настанет эпоха Хаоса.

Взгляд его упал на сверкающий край столешницы. Вблизи стало видно, что это не инкрустация. В узкие щели стола были вставлены перстни с печатками: знак «змеиной» восьмерки, нанесенный на синий, красный, зеленый камни.

Кро вспомнил, что именно такой перстень – с рубином – украшал один из пальцев директора школы, профессора Бронте. В душе появилось мальчишеское желание стащить себе хоть один, но Битали удержался. Ведь он не знал, как повлияет перстень на своего владельца, какие силы даст и что отнимет взамен. Не знал, какими заклинаниями они защищены от кражи. Хватало того, что его угораздило попасть в явно запретное место, в святилище какого-то тайного братства. За одно это можно поплатиться очень и очень серьезно.

«Если здесь горят факела, значит, в любой миг может кто-то появиться!» – обожгло мальчика. Он взмахнул палочкой, выскакивая обратно в коридор, пробежался до дверей винного погреба, проскользнул в него, потом на лестницу – и только тут облегченно перевел дух.

– Ну, что хотел, я узнал. – Утер он пот со лба. – Это не наваждение, это действительно подвал. Отсюда можно выйти просто ногами.

Огонь он зажигать не рискнул – положил ладонь на стену и пошел наверх, пока пальцы не ощутили, как ровная шершавая стена сменилась выпуклыми покатыми боками валунов. Поднявшись на полвитка, мальчик в очередной раз использовал «онберик» и выбрался в обширное помещение, заставленное низкими деревянными лавками. В густом от влаги воздухе витали ароматы ванили и жасмина.

– Надо же, душевая! – с усмешкой сказал Битали.

Однако после неожиданно долгого приключения у него осталось только одно желание: спать. Да и время было слишком позднее. Мальчик развернулся, вышел обратно на лестницу, аккуратно отмерил два витка вверх, с первой попытки попал в коридор, свернул к сфинксу и стукнул его палочкой по носу:

– Верхний боевой ярус!

В комнате было сумрачно, как на лестнице: солнце скрылось, никакого света не горело.

– Это ты, Кро? – сонно спросил из темноты недоморф. – С легким паром...

– Спасибо. – Битали нащупал шкаф, сунул полотенце на полку. – Слушай, Надодух, ты можешь завтра показать мне замок? Чтобы я хоть примерно разобрался, где и что. Без проводника тут собственной тени не найдешь.

– Могу, мне не жалко... – Недоморф протяжно зевнул. – Спокойной ночи.

* * *

– Кра-а! Кра-а... Кра... Кра!

Хриплое, простуженное карканье заставило Битали открыть глаза и перевернуться на живот. Через край подушки он различил своего соседа, сжимающего в одной руке волшебную палочку, а на пальце другой удерживающего черного с проседью ворона. Недоморф стоял у приоткрытого окна совершенно голый – что, при его мохнатости, не имело значения.

– Закрой, сквозит, – зевнул Кро.

– Какая разница, все равно вставать, – не оборачиваясь, ответил Надодух. – Это Черныш, мой тотемник. Не сидится ему в стропильной, всегда сбегает, сколько ни сажал. Бойтся, что я завтрак просплю и не принесу ничего. А в стропильной, между прочим, тотемников кормят три раза в день отборным мясом... – Последние слова, произнесенные укоризненным тоном, относились уже к ворону.

– Ка-а-ар-р-р! – захлопав крыльями, недовольно ответил тот.

– Ты знаешь, Битали, – оглянулся недоморф, – по-моему, он магию куда лучше меня изучил. Из любой клетки всегда выбирается и из любой кладовки. Как у него это получается? Не представляю.

– Ты выбрал тотемником ворона? – Кро зевнул еще раз, потянулся до хруста в суставах и откинул одеяло. Западные окна башни оставались черными, но восточные уже порозовели, окрашивая стены в буро-красный оттенок. Птица была права: в леса Пеллан-де-Гранда пришел новый день. – Собираешься прожить триста лет?

– Почему бы и нет? – не понял сосед. – Чего плохого, коли триста зим увидишь? Правда, Чернышу столько, боюсь, не вытянуть. Ему уже за двести. Деда моего пережил. Лети давай! Как вернусь, покормлю.

Недоморф ловко метнул птицу за окно и быстрым движением волшебной палочки заставил створку захлопнуться.

Битали, ежась от свежести, распахнул шкаф, задумчиво посмотрел на коробку с зубной щеткой и порошком, лежащие поверх чистенького полотенца.

– Слушай, сосед, – поинтересовался он, – ты зубы по утрам чистишь?

– Я их никогда не чищу! – возмутился тот. – Если их не чистить, между клыками остаются кусочки мяса, загнивают, и когда кого-то кусаешь, даже несильно, враг скоро умирает от заражения крови.

– Да? – Битали невольно передернул плечами.

– Шучу, шучу, – рассмеялся недоморф. – Подожди, сейчас полотенце возьму.

Благодаря соседу, этот поход в душевую обошелся для Кро без приключений. Через четверть часа они вернулись в свою комнату, пахнущие душистым яблочным мылом и сверкающие жемчужными зубами, переоделись и отправились в столовую – сбив перед сфинксом с ног рыжего большеглазого мальчишку.

– Привет, Цивик! – перешагнул через него недоморф.

– Привет, – понуро и безропотно ответил тот, стряхивая с полотенца просыпанный зубной порошок. – Не помнишь, чего у нас первым уроком?

– Математика! – бодро отозвался недоморф. – Но ты лучше сразу все учебники бери, а то опять перепутаешь!

– Я пробовал... – Судя по тону мальчика, даже в этом случае нужной книги у него не оказывалось.

Недоморф между тем, не дождавшись ответа, уже мчался по коридору. Сразу за ковром, расшитым арабской вязью, он свернул влево, бодро сбежал по узкой лестнице, и они с Кро оказались на густо заросшем низкой зеленой травой внутреннем дворе замка, украшенном лишь пятью баскетбольными корзинами. В самом центре возвышался небольшой пенек, который можно было бы принять за возвышение для судьи – если бы не отверстия, из которых струился сизый дымок. Со всех сторон, прямо из стен замка выскакивали ученики, чтобы уже через несколько шагов провалиться сквозь дерн. Получалось не у всех – несколько девочек лет восьми, сбившись в кучку, старательно притоптывали пятками, кружась близ самой высокой башни. Напротив них, у Кро на глазах, подросток в длинном свитере и шортах бодро нырнул – но не провалился вниз, а растянулся на траве, вздыбив ее носом в бодрый хохолок. Битали вдруг вспомнил, что уходить сквозь препятствие вниз его никто не учил, и тронул соседа за плечо:

– А тут есть проход для новичков?

– До центра не ходи, на стол упасть можешь, – ответил Надодух и солдатиком ушел в глубину.

Делать ничего не оставалось. Битали выхватил палочку и ткнул ее в дерн перед носком туфли, отчаянно выплеснув страх в опорное слово заклинания:

– Онберик!

Нога вслед за палочкой погрузилась вниз – мальчик едва успел поджать локти и задержать дыхание, как опора снизу исчезла, он ухнул на глубину почти в два человеческих роста и влажно шлепнулся подошвами о выложенный мраморными плитами пол. Ноги подогнулись

– но равновесие Кро все-таки удержал, начал отряхиваться, однако тут совсем рядом приземлилась малышка-второкурсница в длинной цветастой юбке, безразмерной цыганской кофте и с длинными, собранными в пучок волосами. Поняв, что рискует оказаться у кого-то под ногами, Битали поспешил к центру зала. Там, за тремя рядами столов с мохнатыми когтистыми ножками, на широких прилавках манили к себе учеников подносы с печеными пирожками и рыбными биточками, с поджаристыми птичьими тушками и ломтиками сырого мяса, с салатами и винегретами, с блинчиками и вареньем, с аппетитными ломтиками яичниц. На вазах щедрыми грудами возвышались яблоки, груши, мандарины, апельсины, гроздья винограда и сочные дольки дынь.

Кро, оставшийся без ужина, взял из стопки тарелку и сразу потянулся вилкой за соблазнительным толстым бифштексом. Не тут-то было: между четырьмя зубцами и мясом возникла упругая, но неодолимая преграда.

– Тысяча ифритов! – не выдержав, выругался он. – Это что, очередной морок? Хотя от школы, где учат оборотней, можно ожидать чего угодно!

– Ты чего, новенький? – хмыкнула рядом поджарая, как голодная щука, девушка в шелковом черном платье, узколицая, с сильно вытянутым подбородком и точно таким же носом. – Про витамины никогда не слыхал? Пока хоть что-то из фруктов не сожрешь, другой еды не получишь. Эшнун Ниназович потребовал, а с ним не поспоришь.

Длинной тощей рукой она сняла с подноса зеленое яблоко, быстро его обкусала, разбрызгивая сок, положила огрызок на край прилавка, наколола себе пару биточков и отошла. Кро дотянулся до груши, оказавшейся мягкой и сладкой, съел, положил на то место, где всего секунду назад был огрызок незнакомки, зацепил себе бифштекс, яичницу, добавил две ложки салата, оглянулся. Щукообразная девица была за столиком одна. Битали подошел к ней, поставил тарелку, кивнул:

– Спасибо.

– Кушай на здоровье. – Она целиком отправила в рот последний биточек, подмигнула, наклонилась и шепотом посоветовала: – И впредь постарайся поменьше болтать об оборотнях, находясь у них на кухне.

– Извини, невольно вырвалось. А кто такой Эшнун Ниназович?

– Мне-то что? – хмыкнула девушка. – Я же не метаморф. А Ниназович – это целитель наш школьный. Малость того от старости, его ведь еще маркиз в замок пригласил. Даже с учителями ни с кем не разговаривает, за детей считает. С ним и директор-то не спорит.

– И все это терпят? – удивился Кро.

– Не терпят, – мотнула головой девушка. – Просто не замечают. Он из целительной, на моей памяти, не выходил ни разу. А лекарь он самый лучший. У нас в школе вообще все самое лучшее. Ты на какой курс пришел?

– На пятый.

– Да ты что?! Ну, значит, еще увидимся.

Собеседница с силой стукнула пальцем по краю опустевшей тарелки и рывком поднялась. Стол качнулся, из-за края высунулся широкий розовый язык, слизнул посуду. Послышалось довольное чавканье. Битали сглотнул, попытавшись представить себе дальнейшую судьбу пропавших предметов.

– В школе, где учат оборотней, можно ожидать чего угодно... – на этот раз себе под нос буркнул он.

Вокруг, все прибывая, в поисках свободного места сновали ученики в свитерах, рубашках и спортивных костюмах, девочки в изящных платьях и замарашки в тряпье, все возрасты вперемишку, без всякого толку и порядка. В колледже Глоу, оставленном Битали в прошлом году, всех учеников заставляли при высадке на остров надевать мантии одного покроя, со своим цветом для каждого курса, и не носить ничего другого вплоть до окончания года. Тогда он

вместе с одноклассниками ругал попечителей за маразм, которому приписывали столь упертую старомодность. Но сейчас Кро вспомнил порядок и опрятность старого колледжа с тоской.

– Прямо как в парижской ночлежке, – покачал он головой, отрезая ломтик от бифштекса. – Правда, если здесь знают о витаминах, то и столовые приборы, наверное, все же моют, а не вылизывают...

Расправившись с завтраком и слегка осоловев от еды, он поднялся, чуть подождал, глядя на тарелку, покрутил головой, вздохнул и, подобно другим школьникам, перевернул ее, зацепив за край указательным пальцем. Стол встряхнулся, словно мокрая собака, чавкнул и длинным языком слизнул грязную посуду вместе с объедками.

– Спасибо, было очень вкусно, – вежливо кивнул полуживому предмету мебели Битали и отправился к темному проему, в котором скрывалось большинство поевших учеников. Там, к его удивлению, обнаружилась обыкновенная арка, выводящая на лестницу. Так что путь обратно в башню никаких сложностей у новичка не вызвал. В комнате недоморф уже скармливал с ладошки ворону мелко порезанное вареное мясо. Окно опять было распахнуто настежь, впуская в их общее жилье холодный уличный воздух.

– Он и зимой так же вламывается? – поинтересовался Кро.

– Тебе-то что? Тебя до первого снега здесь уже не будет. – Дождавшись, пока птица соберет остатки угощения, Надодух вытер руку полотенцем. – Теперь можно полчаса-часик поспать. Черныш к первому уроку разбудит.

– И чего мы тогда вскакивали в такую рань? – возмутился Битали.

– Зато в душевую народу набежать не успело, – пожал плечами недоморф. – И в столовой свободно было...

Истинная причина раннего пробуждения тем временем сидела на раме приоткрытого окна и невозмутимо расправляла клювом перышки.

– Я расписание так и не посмотрел, – махнув на ворона рукой, вытянулся на застеленной постели Кро. – Мы ведь с одного курса? Что сегодня будет?

– Математика и природоведение. После обеда – дальновидение. У тебя учебники есть?

– Есть, – закинул руки за голову Битали. —

А может, ты и прав. После плотного завтрака самое время немножко вздремнуть.

Курс математики в школе маркиза де Гуяка читался в обширной аудитории человек на триста. Скамьи располагались амфитеатром, уходя ступенями от небольшой коричневой доски к расчерченному тяжелыми черными балками потолку не имеющего окон зала. Мягкий белый свет струился от стены над доской, а потому записывать было удобно только на самых первых партах, внизу. Однако недоморф, первым проникнув в помещение, решительно поднялся к самым дальним, высоким партам. Кро поотстал, осматриваясь.

Учеников для столь обширной аудитории набралось всего ничего, десятка четыре. Может, чуть больше. Девочки собрались двумя серыми стайками на дальнем от входа крае. Одеты они были в одинаковые легкие платья с белыми кружевами у ворота, волосы закрывали такие же бесцветные платки. Мальчики на занятия тоже явились в форменных парусиновых костюмах. Таких же, как и у Битали: брюки, пиджак с кожаными рукавами ниже локтя. Ученики разбились на три неравные группы. По сторонам от центрального прохода, весело переругиваясь, расположились полтора десятка ребят. Слева все как один носили на вороте значок в виде треугольника острием вниз, правые обходились без украшений.

– А как ваш Жульен мордой о трон влетел, забыли?

– Он, может, и мордой, а два мяча вам, троллям, вкатал!

– Как твой нос, Жуть?! Эшнун заклеил или сострогал новый?

– Чему вы радуетесь? Семь–два продули!

Казалось, они не замечали ничего вокруг, но стоило Битали попытаться занять крайнее место на втором ряду, как подростки моментально возмутились:

– Эй, ты куда, тетеря?! Это парты ордена! Вон, к троллям иди, у них места много, – закричали одни.

– Еще чего! Он приبلудный, не из землячества! – ответили другие.

– Какой еще орден? – отступил под столь дружным напором Кро.

– А это ты видел? – указали на треугольнички на воротниках сразу несколько учеников. – Здесь места ордена Грифа! Топай отсюда! Тебе разрешения никто не давал!

– Здесь занято, не видишь?!

Выяснить, что за ордена и землячества водятся среди последователей великого маркиза, времени не было. Битали вернулся к растрескавшейся входной стене, где на обширном пространстве вольготно расположились трое ребят и две девочки, кинул учебник и тетрадь на столешницу первого ряда.

– Тебя сюда звали, гусар? – наклонился вперед ближний парень с черными короткими кудрями и большими матовыми глазами. – Не видишь, занято?

– Вижу, что свободно, – огрызнулся Кро, усаживаясь на скамью.

– Ты чего, не понял? Тебе объяснить?

Однако тут стена пропустила в аудиторию суровую крепкую даму, что напоминала свою статью поднявшегося на дыбы быка: короткие ноги, обтянутые клетчатой юбкой, широкие плечи и могучая грудь. Загрибок ей заменяла копна ниспадающих на спину волос, маленькие глазки прятались за круглыми очками.

– Доброе утро, молодежь! – Она стукнула по столу волшебной палочкой, и там возникла стопка задачников. На столешницу шлепнулся журнал, зашелестели, перелистываясь, страницы.

– Доброе утро, мадам Кроус! – нестройным хором отозвались ученики. Ученицы, здороваясь, торопливо перебежали от троицы к одной из девчоночьих групп.

– Открываем пособие на странице сорок семь, глава «Теория пределов».

– Ты еще пожалеешь, гусар, – шепотом пообещали за спиной. – Горько пожалеешь.

– Мсье Уловер! – тут же повысила голос математичка. – Какое заклинание позволяет получить решение для трех последовательностей, заключенных в хаусдорфово пространство? Не слышу ответа!

– Не знаю, мадам Кро... – Голос позади звучал теперь жалко и виновато.

– А коли не знаете, мсье, то извольте молчать и запоминать, чему вас учит преподаватель! Еще ни одна волшебная палочка и ни одно заклятье не спасали от законов математики.

– Да, мадам... Простите, мадам...

– Сядьте, мсье. О, я вижу, у нас новенький?

Под острым взглядом мальчик поднялся:

– Битали Кро, мадам.

– Каков радикал второй степени для тридцати шести, мсье?

– Шесть, мадам...

– Число возможных пределов для трех последовательностей, заключенных в хаусдорфово пространство?

– Не больше трех, мадам.

– Совсем неплохо, мсье. Вы учились в Германии?

– В Шотландии, в колледже Глоу.

– Знаю, знаю. Весьма достойный колледж. Садитесь. Теперь все быстро просыпаемся и смотрим сюда. Допустим, нам нужно определить предел неопределенности типа...

Женщина тряхнула волосами, вскинула палочку и широкими ее взмахами стала выводить черные формулы прямо на светящейся стене над доской. Битали поспешно схватился за

тетрадь: он и так пропустил почти месяц. Чтобы наверстать отставание, нужно было как минимум не тратить время на повторение того, что говорилось на уроке. Прозвучавшие из-за спины угрозы вылетели у него из головы, а потому, когда после урока блеклоглазый Уловер вдруг поймал его у выхода, он даже растерялся:

– Ты чего? Пусти! – попытался Кро сорвать пальцы одноклассника со своего ворота.

– Ты думал, гусар, твоя наглость тебе даром пройдет? – наклонился к нему парень, превосходивший его ростом больше чем на голову. – Ты понимаешь, на кого пасть раззявил, серв безродный? Тебя прямо тут размазать, али желаешь на солнышко перед смертью глянуть?

– Кто кого размажет... – Битали сунул руку за пазуху, нащупывая рубиновый амулет.

– Оставь дурачка, Уловер, – прозвучал рядом спокойный голос. – Пусть живет. Он уже все понял.

Хватка на шее ослабла, от толчка Битали отшатнулся назад.

– Помни, кто ты есть и кому кланяться обязан, раб. – Уловер презрительно сплюнул ему под ноги и двинулся вслед за дружками.

Кро скрипнул зубами, продолжая сжимать амулет, однако ввязываться в драку сразу с тремя врагами, каждый из которых был куда крупнее, а может и сильнее его одного, все же не рискнул.

– Забудь, – посоветовал спустившийся с задней парты недоморф. – Не связывайся. Знаешь, кто это? Арно Дожар, сын графа Олафа Дожара, главы Гаронской ветви рода. Он уже сейчас себя новым графом воображает. Впрочем, право на пятерых слуг у него действительно есть. Вот свиту себе и завел. Они ему уже клятву принести успели, обязаны служить до самой смерти. В общем, о будущем своем позаботились.

– Да хоть сам маркиз, мне на это начхать.

– Вот и чихни на полудурков. И обходи стороной. У них ведь мозгов, как у гадюки. И кусить по-змеиному могут. Забудь.

– Я зубы-то им ядовитые повыбиваю... – Битали все еще не мог успокоиться, хотя амулет все-таки отпустил.

– Зубы выбить не долго. Да как бы потом змеи покрупнее не приползли. Айда в башню. До природоведения всего четверть часа, а профессор Филли велел перчатки на его урок прихватить. Как бы чего кусачего не показал.

Для изучения природы руководство школы выделило помещение в несколько раз меньшее, нежели на математику. В низкой каменной комнате с узкими витражными окнами с трудом вместились три ряда столов, на двух учеников каждый, пара шкафов прошлого века с толстыми массивными дверцами и обложенный валунами, закопченный очаг. Здесь было сумрачно, пахло мокрой шерстью и приторно-сладким яблочным освежителем.

Средний ряд парт оказался от начала и до конца занят орденом Грифа, возле окон вместе с троллями расселись девочки. У противоположной стены – спереди раскладывали справочники опять же ведьмочки, за ними расположилась свита Арно Дожара. Родовитый хозяин на этот раз определялся без труда: тонкие черты лица, аккуратно зачесанные волосы, голубые глаза и парусиновая форма с легким бирюзовым оттенком, холеные белые руки, на пальцах – три изящных перстня. Наследник графского титула вальяжно развалился, выставив ноги в проход, и лишь слегка скривил губы, когда Кро остановился возле пустой парты между девочками и свитой аристократа.

– Не ищи себе приключений, гусар, – спокойно посоветовал красавчик. – Я справедлив, но умею и наказывать. Твое место нынче возле кроликов, новичок. Мою милость или право на орден еще нужно заслужить. А пока – бегом в дальний угол.

Одобрительный смешок, пробежавший по рядам, показал, что большинство учеников курса мнение Дожара полностью разделяют. Битали колебался с полминуты, поглаживая висья-

щий на груди амулет, но раздувать ссору все же не стал и, пройдя мимо довольной графской свиты, шумно бухнулся на стул возле Надодуха.

– Вот и молодец, – сообщил куда-то вперед Арно Дожар. – Умный мальчик.

– Ничего, – тихо буркнул недоморф. – Мир у нас маленький, еще встретимся. В школе все еще только начинается.

– Один вопрос, сосед, – не напрягая голоса, но и особо не таясь, поинтересовался Битали. – Как у вас тут с приличиями? Если я этого фазана бить начну, нам мешать не станут? Или ваши толпой на одного накинутся?

Юный граф резко обернулся, недоморф открыл рот – но тут один из шкафов загрохотал, покачнулся, и сквозь дверцу в класс буквально вывалился профессор Налоби: снова взлохмаченный и со стопкой работ в руке.

– Как же он тут неудачно стоит! – недовольно оглянулся на шкаф Налоби, положил свои бумажки на ближайшую парту, поправил шапочку, разглядывая чуть приоткрывшуюся дверцу. – Крайне неудачно... – Он подхватил стопку листов, решительно зашагал к очагу. – Сегодня нашей темой станет управление домовыми духами. Это ведь пятый курс, не так ли? Ах да! Здравствуйте, дети!

– Здравствуйте, профессор Налоби! – ответило немногим меньше половины класса.

– Хочу сообщить, что темой сегодняшнего занятия станет управление домовыми духами. Что требуется для подчинения духов, нам скажет Ирри Ларак. Слушаю вас, юноша...

Филли Налоби замер, глядя на полного, коротко постриженного мальчика на задней парте.

– Нужно... – медленно поднялся тот. – Нам нужно... Нужно нам... Принести жертву...

– Прекрасное утверждение! – восторженно воскликнул профессор и в волнении даже снял шапочку, скомкал в кулаке. – А какая жертва требуется домовым?

Ирри Ларак задумался, отчего его щеки заметно порозовели, потом тихо предложил:

– Нужна кровь?

Помещение содрогнулось от дружного хохота. Налоби тяжело вздохнул и вернул шапку на голову:

– Крайне неверное утверждение. Я так надеялся, что пять лет учебы оставили в вашей памяти хоть какой-то след, юноша. Неужели так трудно запомнить, что духи-хранители ограничивают круг принимаемых подарков обычными угощениями? Мсье Дожар, а каково будет ваше мнение по данному вопросу?

– Обитающие в мире духи обладают обостренным чувством справедливости, профессор, – поднялся со своего места красавчик в бежевом костюме. – Когда мы даруем им подношение, они считают обязательным отплатить за подарок службой или ответным даром.

– Приятно знать, что не все мои слова исчезают бесследно. – Филли Налоби достал волшебную палочку, – хоть у кого-то часть остается в памяти. О чем это я? Ах да, чувство справедливости! Справедливость – это очень забавное чувство. Кто-то ради справедливости готов построить дом, а кто-то – вспороть животы тысячам невинных прохожих. Предопределяются же таковые желания, мадемуазель Вантенуа...

– Характером вызываемых духов, – поднялась с ближней к очагу парты шукообразная девица.

В учебной форме она уже не выглядела такой тощей, как утром в столовой. – Мятежные духи из своего понимания справедливости калечат, духи-хранители исцеляют. Первые откликаются на кровавые жертвы, вторые на подарки мирские: еду, украшения, одежду.

– Именно это вам и надлежит сегодня проверить. – Профессор жестом разрешил ученице сесть. – Ирри Ларак, будьте любезны открыть шкаф и разнести по столам кусочки хлеба и пиалки для молока. Это поможет вам запомнить, что именно требуется для установления доверия с домовыми. Прочих прошу открыть конспекты и приготовить перья.

– На фига это все переписывать? – пожал плечами недоморф. – В справочнике ведь все есть.

– А вдруг профессор что-то добавить сможет?

– Это Филька-то? – тихо хмыкнул сосед. – Да он феску сам поменять не может, не то что добавление в курс внести.

– Как увидеть домового духа? – спокойно и размеренно начал диктовать профессор Налоби. – Для этого необходимо определить местонахождение домового и посмотреть прямо на него, расфокусировав взгляд до полного разведения зрачков. Записали? Теперь демонстрирую...

Филли Налоби провел вокруг очага волшебной палочкой, с кончика которой просыпались округлые плоды снежнягодника, и тряхнул уже знакомым Битали колокольчиком.

– Как вы должны уже запомнить, юноши и девушки, – вскинул он палец, – домовые духи нелюдимы и всегда отводят от себя глаза. Обычно они настолько привыкают к такому поведению, что отводят взгляды, даже находясь наедине. Посему единственный способ заметить сих духов-помощников – это парировать отвод предварительным нарушением направленности зрения. А именно: необходимо смотреть не на домового, а в точку, что находится далеко за ним. Уточняю: не близко за ним, а весьма, весьма далеко. Скажем, в миле за стеной.

– Где же мы такое место в комнате найдем? – с усмешкой поинтересовался сосед Битали.

– Крайне уместный вопрос! – обрадовался профессор. – Таких мест в домах, разумеется, нет, мсье Надодух. Нигде и никогда. А посему домовые духи не нуждаются в иных способах укрытия и к оным не прибегают!

– А если их морок «обсессиионом» разрезать? – поинтересовался кто-то из компании «троллей».

– Вы меня разочаровываете, мсье Марс! – всплеснул руками Филли Налоби. – Как считаете, мадемуазель Вантенуа?

– Заклятие «обсессиион» не поможет увидеть домовых, поскольку они не ставят морок, а лишь отводят глаза, – встала из-за стола девушка. – «Обсессиион» же разрушает лишь морок либо иные оптические иллюзии.

– А вот, как я слышу, у нас появились первые гости, – резко повернул к очагу голову профессор. – Самое время проверить наш урок на практике. Ах да, Генриетта. Если ответите на уроке еще на один вопрос, получите десять баллов в аттестат. Остальным советую взяться за перья и изобразить в тетради того, кто сейчас хрустит рассыпанными ягодами.

Определить, где находится невидимый гость, было нетрудно: попавшие к нему под ноги ягоды не только лопались, но и оставались смятыми. Битали напрягся, глядя в ту сторону – но ничего, кроме каменной кладки, различить не мог. Он закрыл глаза, представил себе парус далеко-далеко в море, резко поднял веки – на миг у очага проявился слабо очерченный силуэт и тут же рассеялся, словно дымок одинокого уголька. Мальчик снова закрыл глаза, открыл, усилием воли удерживаясь от взгляда на очаг, и попытался разглядеть парус, белеющий где-то там, далеко за стеной... И вдруг как-то краем, боковым зрением заметил, что поверх раздавленных ягод мнется низкий волосатый бородач в маленькой шляпе, свободной рубахе до колен и непропорционально больших ботинках. Зрачки произвольно сместились на него – и тут же оказалось, что у очага никого нет. Но теперь это было уже неважно: Кро схватился за вечное перо и принялся поскорее вычерчивать замеченного незнакомца: шляпка, подол до колен, ботинки, борода...

– Мсье Кро, вам три балла в аттестат, – послышался над головой голос преподавателя.

– А почему три? – не понял Битали.

– Потому что вы явно увидели нашего духа, – окончательно запутал его профессор Налоби. – Надодух? Ничего, мсье Надодух... Мсье Лайтену три балла, мсье Дожар – пять баллов, мсье Уловер... Не вижу ничего.

– Почему три? – возмущенным шепотом спросил соседа Битали. – Что я не так сделал?

– Чем тебе три балла не нравится? – не понял недоморф. – Все в плюс пошло.

– Так девице, вон, десять баллов пообещали.

У вас десять лучшая оценка?

– Оценки, они ведь все хорошие, – снова не понял его сосед. – Хоть один балл, хоть десять – все к аттестату приплюсуются. Мне за прошлый год больше двух ни разу не ставили, но все едино пять сотен накопилось. У графа, помнится, тысяч десять вышло. А у нашей выскочки, Аниты Горамик, так и вовсе сорок с лишним тысяч. Вон она, рыжая на второй парте...

Недоморф указал на миниатюрную девочку, ростом и телосложением больше похожую на второкурсницу.

– То есть все оценки складываются?

– Ну да, – кивнул Надодух. – Говорят, так родителям сразу видно, кто как учился. Если даже отличник, но ленивый, то сумма меньше получается, чем если не такой умный, но на каждом уроке ответить вызываешься и вообще стараешься. Только мне это все равно поперек шерсти. Меня в любом раскладе ни один род не примет, хоть я и миллион наберу.

– Странная у вас школа...

– Не знаю, – пожал плечами недоморф. —

В других не бывал.

– Теперь все положите перья! – закончил обход класса профессор. – Вырвите лист из тетради, скомкайте и бросьте на пол. Все сделали?

У вас у каждого на столе есть молоко и кусок булки. До конца урока вам предстоит вызвать духа, принести ему жертву и в качестве оплаты заставить его убрать мусор. Причем исключительно ваш, а не кого-то другого. Приступайте.

Каким образом нужно вызывать духа, Филли Налоби не пояснил. Видимо, это изучалось на предыдущих уроках. Кро, опустив на пол угощение, принялся спешно листать справочник в поисках нужной главы.

– Ага, вот оно... – Мальчик пробежал глазами по строкам: – Так... Угощение домовому духу оставляется в тихом укромном месте... – Кро поднял голову, оглядел класс, в котором везде и всюду бормотали заклинания ученики, а весь пол был заставлен мисками и закидан бумажными шариками. – Однако... Что еще? Если домовой раздражен или ему кажется, что хозяин неправильно себя ведет, плохо заботится о доме, ленится и сорит, он может прибегнуть к наказаниям, сам начинает портить предметы и одежду, способен серьезно поранить... покусать или исцарапать открытые части тела.

Битали глянул на смятый листок возле стула и быстро натянул кожаные перчатки.

– Прирученных домовых удобно вызывать свистком или колокольчиком... В общем случае... Да, вот оно... – Кро захлопнул справочник, повернулся к проходу, тихонько позвал: – Маленький хозяин, приди ко мне в гости, прими угощенье, дай благоволение. Э-э-э... Ешь пироги, дом береги...

Кро запнулся, оглядывая скромное угощение, и решил, что пироги он обещает зря.

– Маленький хозяин, приди ко мне в гости, прими угощенье, дай благоволение... Или просто приходи да молока выпей. А то новую тему начнем, придется сидеть голодным. Пользуйся случаем.

– Давай я выпью, и дело с концом, – предложил недоморф. – Чего добру пропадать?

– Подожди, вдруг я себе еще троечку заработаю?

– Запылитесь – сам пить будешь.

– Молоко? Я уже вышел из этого возраста... – Битали вдруг показалось, что его комок покачивается на полу, словно от слабого сквозняка.

И если еще вчера он не обратил бы на это никакого внимания, то сейчас – отвел взгляд немного в сторону и попытался разглядеть парус в далеком море, что раскинулось за каменной

стеной. Паруса увидеть не получилось, но возле бумажки Кро различил существо немногим выше колена, с большущими круглыми глазами, курносое и остроухое. Оно было одето в нечто похожее на толстое шерстяное пончо грубой вязки и короткие сапожки с завязками спереди на голенище. Руки существа были сложены на животе, длинные тонкие пальцы постоянно шевелились, словно собравшиеся в клубок змеи.

– Ты кто? – поинтересовался Кро, продолжая смотреть мимо малыша.

Тот недоверчиво склонил голову набок, его уши заметно зашевелились.

– Ты домовый?

Существо опасливо оглянулось по сторонам.

– Нет? Ну и ладно. В классе их все равно не вызовешь. Шуму много. Есть хочешь? Брось ты эту бумажку, я ее сам потом подберу. Вот, лучше молока выпей. Да булку возьми. А то урок кончится – заберут.

Теперь странный малыш вперился немигающим взглядом прямо в Битали. Прошло не меньше минуты, прежде чем он подошел к столу, поднял пиалу, вытянул губы в трубочку, стремительно высосал молоко и быстренько закусил булкой.

– Хочешь еще? Я могу после обеда из столовой чего-нибудь принести.

– Мое имя Батану, юный кудесник, – почтительно поклонился малыш. – Отныне я твой должник. Твой хлеб, моя служба.

– Так ты говорящий? – изумился Битали.

– С кем ты там речи ведешь? – навалился на плечо недоморф. – Вызвал, что ли?

Кро от неожиданного толчка покачнулся, потерял направление взгляда – а вместе с ним и своего собеседника.

– Опа, молоко пропало. Сам выпил?

– Ерунда все это... – Битали подобрал скомканную бумажку и захлопнул ее между страницами толстого справочника Латрана. – Тебя что, не кормят?

– У Филли молоко настоящее. А в столовке витаминизированное и кальцинированное. Полезное для здоровья. В общем, отравы, в рот не возьмешь.

– Зато для здоровья полезно.

– С такой пользой и здоровья не захочется!

– Мсье Сенусерт! – Профессор взмахнул палочкой, и по классу пронесся хлопок, словно от удара хлыста. – Вы желаете получить в аттестате минус? Будьте любезны, юноша, поведите нам о пришедшем к вам домовом духе!

– Дух как дух, – пожал плечами недоморф. – Пришел, сказал, что от моего молока псиной пахнет и пить он его не станет.

– Своего имени он, конечно, не назвал?

– Увы, профессор.

– Нет имени, юноша, нет и баллов. Теперь попрошу внимание на меня. Как все мы сегодня вспомнили, духи, демоны и иные существа из мира природы обладают обостренным чувством справедливости. И по сей простой причине они никогда и ни за что не принимают жертву, принесенную с корыстной целью. За очень редким исключением. Но сии случаи больше относятся к сделкам, нежели к жертвам. Жертва всегда являет акт уважения, а не авансовую уплату. Чтобы сделать духа своим союзником и слугой, свой подарок нужно принести ему с уважением и искренностью, как и полагается дарить подарки. Повторяю: бескорыстно и искренне! Прошу записать эти слова в конспекты большими красными буквами. И только потом плавно наращивать зависимость нового раба от ваших подачек. На сем наш урок считаю законченным. Все свободны.

– Вот и обед! – радостно взревел кто-то из троллей и громко захлопнул учебник.

На звук повернулась половина класса, и хрупкая рыжая девочка укоризненно покачала головой:

– Тебя что, неделю не кормили?

Битали совсем не сразу понял, что это и есть та самая Анита Горамник, на которую показывал недоморф во время урока. Спереди выпрямившаяся отличница выглядела совсем не так, как сзади, сидя за партой. У нее обнаружилась вполне складная фигурка, большие голубые глаза, милая улыбка. Теперь она казалась не ребенком с младшего курса, а хрупкой и изящной юной леди, словно вырезанной из слоновой кости: точеные ушки и носик, безупречные линии рук и плеч, длинные пушистые ресницы.

– Пошли, чего встал? – пихнул его локтем в бок недоморф. – Обед у нас короткий, а ртов в школе много.

– Да, иду, – стал собирать учебники Кро.

– Твое-то какое дело, рыжая? – ответил «тролль»: крупный, с большущими ладонями и тоже, кстати, огненно-рыжий.

– Повезливее с дамами, Пикаччи! – неожиданно вступился за Аниту Дожар. – Тут тебе не деревня.

– Моя деревня любой ваш город переплюнет, – буркнул Пикаччи и отвернулся, складывая учебники и тетрадь в стопку.

– Идем, чего застрял? – поторопил соседа Надодух, и Кро поспешил за ним к выходу.

Только во время обеда Битали понял, как выручил его ворон соседа с ранним пробуждением. Шумная утренняя столовая, как оказалось, была еще свободным помещением. Сейчас же, среди дня, здесь было просто не протолкнуться. А уж тем более – не сесть. Для нового ученика стало непостижимой загадкой: отчего руководство школы не распределит питание по сменам, не организует приход сюда курсами или корпусами. Или, хотя бы – почему не поставит больше столов? Пока же ученикам пришлось действовать самостоятельно. Солидную часть подземелья отгородил себе орден Грифа: несколько старшекурсников стояли в оцеплении, не пропуская к столам посторонних, еще десяток столов на мохнатых ногах отогнали к стене «тролли» и тоже подпускали к свободным местам только своих, выделив два стола для первокурсников, один – для старших, остальными пользовались подростки среднего для школы возраста. По такому же принципу обедали и девочки. За оставшиеся несколько столов то и дело возникали споры: на них претендовали группки из пяти-десяти учеников, норовящие согнать тех, кто меньше числом или кто слабее, или торопливо набивающие животы в предчувствии столкновения с соперниками. Увидев, как двое прихвостней Дожара бесцеремонно согнали младшекурсников, только-только занявших свои места, и усадили за стол юного графа, Кро понял, что есть ему придется стоя, а потому вместо супа предпочел спагетти с сыром и пару сосисок. Однако даже просто стоя у стены, он пару раз оказался на пути прыгающих вниз учеников. Будь в руках суп – обязательно выплеснулся бы.

«От школы, где учат оборотней, можно ожидать и чего-нибудь похуже!» – уже в который раз понял Битали и, в качестве моральной компенсации, кинул перевернутую тарелку на графский стол. Тут же промелькнувший широкий розовый язык поддал Арно Дожара под локоть и едва не снес его грибной суп. Родовитый мальчишка выругался, но даже не оглянулся. Видимо, похожие ситуации возникали здесь постоянно.

Битали поймал себя на том, что все сильнее сучает по унылому и однообразному колледжу озера Глоу.

Послеобеденным занятием оказался курс дальномирия, который читал здесь чопорный и сухопарый профессор Омар ибн Аби Рабиа, арабская внешность которого резко контрастировала с белоснежной сорочкой, серым в полоску костюмом-тройкой и пенсне на длинной золотой цепочке.

– Оказывается, у нас новенький, – дойдя до последней парты, остановился он перед Битали Кро, вынул из кармана жилетки пенсне, поднес к глазам, глянул на мальчика сквозь линзы и тут же убрал их обратно. На среднем пальце в сиянии свечей отразила огненный блик

зеленая печатка, на которой кусала себя за хвост свернувшаяся в восьмерку змея. – Очень интересно. Не подскажете ли мне, молодой человек, каковая особенность зеркала делает его незаменимым инструментом мага для проникновения в тайны всего сущего?

– Зеркало имеет свойство отражать все виды обращенного на него нематериального воздействия, – вскочив по прежней привычке, отчеканил Кро. – Таких как свет, магнетику, тепло и мысли. В результате на поверхности отражающего слоя зеркала из обрабатываемых энергий, на краткий миг теряющих свойства направления, скорости и силы, возникает тончайшая эмульсия безмерного пространства, не имеющего времени, направления, цвета, жизни и прочих качеств привычного мира. Благодаря этому через эмульсию можно установить прямой контакт с любым местом Вселенной, любым ее часом и пространством.

– Четыре балла в аттестат, – кивнул профессор Раба. – Замечательное начало для изучения новой дисциплины. Как же нам определить, мсье Битали, в каком направлении устремится наш взгляд, в прошлое или будущее, в мир живых или мертвых?

– Поскольку данная эмульсия не имеет собственного направления, измерения или возраста, то все ее качества целиком и полностью зависят от воли наблюдателя.

– Еще четыре балла в аттестат. И садитесь, хватит с вас для первого урока. – Омар ибн Аби Раба мягкой бесшумной походкой двинулся к установленному на небольшом возвышении, обитому бархатом креслу, небрежно взмахнул палочкой из эбенового дерева. Столешницы по всему классу зашипели, поверхность их дрогнула и стала зеркальной. – Посмотрите на свои парты, драгоценные мои создания. Это ваше окно в прошлое и будущее, ваш почтовый ящик и ваша вечная связь с предками, ваш защитник и, увы, ваш самый опасный враг. Так как же вам, юные создания, не оказаться среди мертвых, пожелав взглянуть на губы юной чаровницы, и не выдать себя врагу, надумав послать весточку в отчий дом?

Профессор Раба сел в кресло, закинул ногу на ногу. Волшебная палочка в его руках удлинилась и превратилась в тонкую трость с серебряным набалдашником.

– Чтобы не сделать оплошности, каждый из вас должен уметь удерживать зеркало в тисках своей воли и не допускать даже малых отклонений от намеченной цели. Достигается это первейшее требование для работы с зеркалами путем выработки жесточайшей дисциплины мысли. Вы обязаны уметь думать только о том, что вам необходимо, и не скатываться ни на что постороннее. У кого-нибудь имеются вопросы?

Класс молчал. Вопросов ни у кого не возникло, поскольку никто ничего не понял.

– Прекрасно. Тогда приступим к практическим занятиям. Разбейтесь на пары. Первое упражнение: ученики, ближние к окну, говорят, дальние от окон – слушают. Задача говорящих: в течение десяти минут рассказывать напарникам о верхнем левом стекле в оконной раме, ни на что не отвлекаясь и не переходя на другие темы... Начали!

Профессор щелкнул пальцами, и на подлокотнике возникли песочные часы.

– Значит, первым говорю я, – повернувшись к соседу, погладил подбородок Битали. – Стекло в оконной раме. Оно наверху. Оно сделано из стекла. Оно чуть пыльное, внизу грязи больше, чем сверху. Оно прозрачное. Стеклянное. Размером примерно локоть на локоть. Толстое. Сделано из стекла. Обычного стекла, расплавленного и остуженного. Стекло делается из песка. Чистого и отборного. Песка много в пустынях. Там жарко и нет домов. Ничего не растет. Ни травы, ни деревьев, ни кустов. Там нет воды. Вода уходит в песок. Поэтому рек и озер там нет. И рыбы...

– Можешь не продолжать, Кро, – подмигнул ему недоморф. – Подозреваю, что рыба, которую ты только что помянул, не имеет к верхнему левому стеклу здешнего окна никакого отношения. Ну, совсем не в тему! Вместе с реками, озерами и морями.

Однако Надодух веселился зря. Когда он и Битали поменялись ролями – он сам, начав с деревянной рамы, уже через минуту увлеченно рассказывал соседу о жирных красных дождевых червях.

До конца занятия ученики успели сделать по пять заходов, но на первом уроке ни одному не удалось удержаться в рамках заданной темы дольше одной минуты.

– А посему, драгоценные мои друзья, – подвел итог профессор, взмахнув тростью, – работать с зеркалами вам еще рановато. Для начала овладейте дисциплиной собственного сознания.

И все столешницы класса снова стали сосновыми, покрытыми одним слоем коричневой морилки.

Вернувшись в башню, Битали с облегчением скинул с себя одежду и упал на постель:

– Кошмар! Еще никогда в жизни никто так не издевался над моими мозгами. Голова болит, будто я две ночи не спал и бился лбом о стену. Он у вас всегда такой?

– Ты про кого? – Недоморф тоже скинул учебную форму, натянул майку и длинные шорты.

– Про последнего.

– Тут ты не прав! Омар ибн Аби Рабиа очень умный ученый. Знает все что можно и еще чуть-чуть того, о чем никто не догадывается, – неожиданно встал на защиту профессора Надодух. – Ты бы видел, как он на тартарологии Лысого Расетрота из небытия вызвал! Черный монстр в три роста высотой с двумя оскаленными пастями и шестью руками. Половина класса на месте обмочилась! С тех пор ни один школяр больше не пытался гадать на костях в полночь у себя в комнате.

– Я и не говорю, что он плохой, – поправился Битали. – Я говорю, что голова после его урока как ватой набита. Ничего не соображаю. Может, в душ сходить? Ужин когда будет? Там вечером такая же давка, как в обед?

– Умываться иди, – стал загибать пальцы, отвечая на вопросы, недоморф, – ужин будет, вечером там три часа на питание, все спокойно поесть успевают. Хотя, конечно, иногда совсем пусто бывает, а иногда толпа набегает, как в обед.

– А ты пойдешь?

– Сохнуть долго, – пригладил шерсть на плече сосед. – Я лучше освежитель для белья вечером под одеяло суну.

– Как знаешь. – Кро достал полотенце и как бы невзначай спросил: – Ты не знаешь, лестница, что от душевой, она как далеко вниз уходит?

– До бесконечности, – с легкостью ответил недоморф. – Ты чего, забыл? Там, внизу, она переходит в пологий спуск и идет к озеру Де Леври. Мы же через нее каждый... Ах да, ты же первый раз приехал. Да еще опоздал. В общем, там подземный ход.

– Знаю, – кивнул Битали, надевая тапочки. – Мне директор рассказывал. К озеру приходит автобус.

Когда он вернулся, комната оказалась пуста. Надодух отправился куда-то по своим делам. Пользуясь свободным временем, Кро решил заданные мадам Кроус уравнения, перелистал справочник Латрана. Среди домовых духов никого круглоглазого он не нашел, зато среди описаний в конце книги обнаружил сразу трех похожих на Батану существ. Первым был пещерный бескрылый вампир ампо, другим – гвинейский корочковый лемур, третьим – монсалватский эльф. Род духов-хранителей, обитателей исключительно каменных домов, истребленный вместе с катарской магической ветвью во время Большой Войны. Иллюстраций в справочнике не имелось, но из описаний было ясно, что из всех троих только эльфы пользовались одеждой и обувью.

– Значит, Батану эльф? – вздохнул мальчик. – Тогда не так обидно, что оценку не поставили. Домового я так и не вызвал.

– Господин меня звал? – услышал он со стороны окна.

– Батану?

– Ты произнес мое имя, господин. Я давал клятву вернуть долг и пришел на зов.

– Извини, не знал, что потревожу... – Битали почувствовал себя неловко, сунул руку в коробку с конфетами, подвинул ее к краю стола: – Вот, угощайся. Надеюсь, тебе понравятся. Желейные. Я такие очень люблю.

– Я еще не оплатил за угощение, господин.

– Не называй меня господином, от этого я кажусь себе старым и бородастым, – усмехнулся Кро. – И можешь забыть про молоко, это такой пустяк. К тому же оно было школьным. Попробуй лучше конфету. Считаю, я позвал тебя только чтобы угостить.

Эльф не ответил – однако в коробке что-то зашуршало.

«Хорошие существа все эти духи, – подумал мальчик. – Самый злобный и коварный из них не возьмет без разрешения ничего чужого, даже конфетку. Не войдет без разрешения в дом. Не нарушит взятой клятвы. Обостренное чувство справедливости! Жалко, что люди не такие.

И смертные – тоже».

Никаких звуков в комнате больше не возникало. Похоже, напрасно потревоженный эльф ушел. Битали тоже убрал учебники – по его мнению, настало самое время подкрепиться.

Когда он выбрался через стену, оказалось, что во дворе замка идет ожесточенное сражение. Не меньше четырех десятков ребят с диким азартом гонялись за тремя мячами, подбадриваемые еще большим числом болельщиком. Битали замедлил шаг, пытаясь разобраться в происходящем. То, что целью игроков было забросить мяч в баскетбольную корзину противника – угадывалось без труда. Труднее было разобраться, кто и против кого сражается. Сперва Кро решил, что рядом идут сразу две игры. Четыре команды – четыре корзины. Две команды носили треугольники ордена Грифа, среди игроков другой он узнал «тролля» из своего класса. Вот только мячей, по его мнению, было многовато.

И команды слишком часто забегали на чужое поле. Но тут началась скоординированная атака, и стало ясно, что полторы команды «ордена» пытаются с двумя мячами прорваться к корзине «троллей», в то время как примерно треть осталась обороняться от нападения игроков с третьим мячом.

Значит, игра была общей! Четыре команды, три мяча, одно поле. Еще одна корзина, кстати, оставалась неиспользуемой – про запас. Следовало только добавить, что прочие правила больше напоминали регби, а не баскетбол: мяч пинали ногами, носили в руках, кидали, отнимали, игроки врзались друг в друга плечами, головами, запрыгивали сверху. Для отражения натиска и проведения своей атаки годились любые способы без ограничений.

У Битали даже заныло под ложечкой от желания побегать с мячом в общей свалке – но, увы, он не знал, кто и как собирает команды. Да и к началу игры, похоже, он безнадежно опоздал.

– Ладно, не последний раз, – решил Кро и нырнул в столовую.

Здесь оказалось почти пусто: два десятка школяров сидели за столами, еще двое только накладывали себе снесь. Пользуясь возможностью, Битали нагрузил свою тарелку от души: тушеным с изюмом и черносливом рисом, котлетами, куриными крылышками, жареными пескарями, и в итоге наелся так, сразу за обед и ужин, что с трудом пробрался обратно в башню и сразу упал в постель.

Клятва Грифа

Гендерные искусства в школе знаменитого маркиза изучали под самой кровлей северного корпуса. Когда-то здесь, видимо, находилась боевая площадка с тяжелым оружием: баллистами, арбалетами, иными громоздкими приспособлениями. Но потом нужда в таких средствах обороны отпала, над широкой каменной крышей владельца поставили деревянную двускатную кровлю, и боевая площадка превратилась в обширный зал с прочным ровным полом. Его разделяла надвое белая полоса в два шага шириной, а единственным украшением был укрепленный под самым коньком зеленый плакат с красными буквами: «Сильному – слава, слабым – смирение». Вдоль стены шли длинные стойки с разнообразным холодным оружием – секирами, мечами, алебардами, топорами, пиками, рогатинами, саблями и ятаганами. Мест для сидения здесь не имелось вовсе, а потому пятикурсники жались по стенам, привычно разбиваясь на группы: «тролли», «орденцы», девочки, свита графа. Обитатели башни Кролик слонялись по одному, и только Битали стоял рядом с недоморфом.

– Неладное что-то у нас в школе, – почти на ухо зашептал соседу Надодух. – Директор вчера отъехал в Совет Равных. Он ведь член хранителей Хартии, один из избранных, отвечающих за ее исполнение. Так вот, он до сих пор не вернулся.

– Может, дела у него в Совете? – пожал плечами Битали. – Нам-то какое дело?

– Как бы не так! – тихонько хмыкнул недоморф. – Это у нас в школе какая-то напасть. Да такая сильная, что мадам Кардо вчера вся в слезах была и хотела бросить занятия и уехать к другу аж в Центральную Африку! А наша красотка Эления ее добрых полчаса отговаривала, утешала и убеждала, что все совсем не страшно и никто не умрет. Понял?!

– Ты-то откуда знаешь? – не поверил Кро.

– У меня, сосед, внешность, может, и домового, – припомнил соседу давнишнюю обмолвку недоморф, – зато слух волчий. Вчера, пока ты дрых, я все это в коридоре под девичьими спальнями выслушивал. Через стену, разумеется.

– Может, там чего-то свое... – после небольшой заминки сказал Кро. Что еще ответить излишне любопытному другу, он не знал.

Наконец торцевая стена жалобно скрипнула, и на дорожке появился румяный, с тонкими усиками, хорошо упитанный, однако еще не толстый преподаватель – в тонком, обтягивающем спортивном костюме, но опоясанный мечом, в сверкающих лакированных туфлях и с кружевным воротником.

– Как думаешь, он в трениках или в колготках? – шепотом поинтересовался недоморф. – Говорят, раньше все рыцари носили колготки.

– Не колготки, а чулки, – поправил его Битали. – Иначе ножные доспехи не надевались.

– Три балла в аттестат, – с усмешкой похвалил его Надодух.

– Мои поздравления пятикурсникам! – громко объявил учитель. – С сегодняшнего дня вы входите в новый мир, поднимаетесь на новую ступень своего развития! Многое из того, что не нужно знать детям, отныне станет открыто для вас. Многие тайны найдут свое объяснение, многие странности окажутся понятными, как божий день. Отныне, с этой самой секунды, вы считаетесь достойными отвечать за свои поступки и получаете право на владение оружием! Вас я пока не знаю, но очень скоро запомню каждого. Мое же имя – сэръ Ричард Уоллес, и потрудитесь произносить его полностью! Всем понятно?

– Да, сэръ Ричард Уоллес, – без особого задора ответили ученики.

– Прекрасно! Теперь мой первый вопрос: кто из вас бывал в замковой библиотеке?

Почти все присутствующие – за исключением, пожалуй, Кро и недоморфа – подняли руки.

– Отлично. Тогда ответьте мне, сколько там живет кошек?

– Две! – сообщила одна из девочек.

– Две, сэр Ричард Уоллес! – напомнил преподаватель. – В следующий раз за забывчивость буду выставлять минус единицу в аттестат.

А почему их всего две?

На этот раз отвечать никто не рискнул.

– Их там всего две, потому что на трех уже не хватит мышей! В подвале живут пять котов, потому что больше подвалу не прокормить. В поле за замком – еще три кошки, и большему числу там не выжить. В лесу – всего пара, ибо там их самих так и норовят сожрать. Итого, двенадцать кошек. – Учитель обвел всех многозначительным взглядом. – Однако каждые полгода половина этих тварей приносит по четыре котенка. Итого: каждый год на эти двенадцать пригодных для жизни мест приходит полсотни новых претендентов. Что это значит? Это значит, что каждый год пятьдесят кошачьих жизней должны прерваться, чтобы самые сильные и достойные продолжили путаться у нас под ногами. Вы меня поняли, пятикурсники? – Сэр Ричард Уоллес выхватил меч и очертил острием полный круг. – Все вы, здесь присутствующие, все вы до единого – лишние люди! Для вас нет свободного места в этом мире! Оно имелось во времена Первого Пророчества, когда наши предки смогли уйти в новые земли. Оно имелось во времена Второго Пророчества, когда нашим прародителям нашлось куда расселиться. Но уже в годы Третьего Пророчества свободных мест больше не осталось, и ради них началась долгая Большая Война, едва не прервавшая наш род полностью. Вот и сейчас для вас нет свободного места. Вы лишние! Как бы вас ни любили ваши родители, какой бы мирной и тихой ни была ваша родная нора, сколь скудным ни был бы ваш удел, рано или поздно вам придется защищать его от чужого посягательства, либо мечом и отвагой добывать для себя новое место под солнцем! И только знание, полученное на моих уроках, поможет сохранить вам жизнь и набить свое брюхо! Все поняли?

Курс подавленно молчал.

– Вижу, что все, – удовлетворенно кивнул сэр Ричард Уоллес. Бодрой подпрыгивающей походкой он пошел вдоль учеников, вскинул меч, указав клинком на одного из «троллей»: – Имя?

– Артур Тинтаголь! Сэр... Ричард Уоллес... Сэр...

– Каким оружием можно убить мага?

– Никаким... сэр Ричард Уоллес. Только сжечь на костре. Потому что высокие температуры нарушают естественное состояние материи, и любое волшебство теряет силу.

– Ответ глупого школяра, но не пятикурсника. – Учитель двинулся дальше, указал на его соседа. – Ты?

– Родриго Батиа! Сэр Ричард Уоллес! До тех пор, пока у мага жив тотемник, его всегда можно вернуть к жизни. Но если сперва убить тотемника, а затем самого...

– Уже лучше, – кивнул преподаватель. – Пожалуй, один балл в аттестат вы заслужили. Итак! – Он отступил обратно на дорожку. – Чтобы вернуть колдуна к жизни, нужно доставить его тело к тотемному зверю, либо зверя к телу. Однако, одолев врага в схватке, вы всегда можете скрыть его тело и не допустить воскрешения! Посему выбросьте из головы весь бред, что рассказывали вам о бессмертии, и запомните: любого из вас можно убить легко и просто, как и обычного смертного. И единственная защита – это ваш меч! Почему меч? – Острие уперлось в грудь Битали.

– Битали Кро! Чародея можно поразить только посеребренным оружием, сэр Ричард Уоллес, потому что существующие заклинания способны надежно защитить любого от всех видов оружия: пуль, стрел, ножей, осколков, топоров, камней, кольев. Только серебро и древесина осины не подвержены воздействию магии, и только оружием из них можно пробить защитные заклинания. А еще можно сделать осиновые стрелы или серебряные пули!

– К счастью для нас, ученик Битали Кро, деревянные стрелы не пробивают даже обычного камзола, а серебряные пули распространены очень и очень мало. Попасты в цель из огнестрелов не так просто, а серебро слишком дорого, чтобы разбрасываться им без счета... Плюс два в аттестат!.. Посеребренные мечи позволят вам сразить любого мага с той же легкостью, – стремительно отбежал на белую полосу учитель и пригладил свои усики пальцами левой руки, – с какой смертные режут друг друга железными ножами. Нужно соблюсти лишь одно маленькое условие: сражаться лучше врага.

– Или не подпускать его к себе... – прозвучал слабый тонкий голосок от самой стены.

– Кто это сказал?! – возмущенно взревел учитель, ринувшись на звук. Школьники шарахнулись в стороны, оставив на месте веснушчатую девочку с коротко остриженными, черными, как битумная смола, волосами в облегающем клетчатом свитере.

– А разве нет? – с какой-то детской наивностью приподняла брови ученица.

– Да, мадемуазель! – Меч из рук преподавателя исчез. – Но, открывая рот, вы должны называть свое имя.

– Аксьон Таше, к вашим услугам... – Девушка присела в реверансе, словно напоказ не назвав учителя ни «сэром», ни по имени.

– Вы знаете, как погибло большинство магов в начале Большой Войны, мадемуазель Таше? – зловеще понизил голос учитель. – Я вам расскажу. Во время шумных торжеств, в толчее торжищ, во время гуляний или внезапных волнений к таким, как вы, чародейкам незаметно приближался обычный жалкий смертный, вдруг выхватывал посеребренный клинок и вгонял его прямо в сердце! – Сэр Уоллес вскинул руку, ткнув пальцем ученице в грудь, и девчонка, пискнув, отскочила к стене. – А потом радостно визжащая толпа волокла ваше тело на костер и превращала в угли, которым не способен помочь ни один тотемник.

– А почему они не носили кольчуги? – Учитель опять резко обернулся на голос, и юный граф вскинул подбородок: – Арно Дожар, сэр!

– Тем, кто носил броню, мсье, – оскалился преподаватель, – смертные первым ударом отсекали руку, чтобы те не могли взять волшебную палочку или иной амулет. А потом сжигали живьем. Просто и эффективно, не правда ли?

– Ночные ифриты! – охнули девочки в одном конце зала.

– Проклятье! – отозвались «тролли» в другом.

– Почему же этих тварей не истребили всех к болотным троллям? – сжал кулаки юный граф.

– Забавно услышать такой вопрос от юноши, приехавшего в школу на автобусе, сделанном смертными, по дороге, проложенной смертными, жившего в доме, построенном смертными, и вкушающего еду, добытую смертными, – криво усмехнулся учитель, неспешно возвращаясь на белую дорожку посреди зала. – Не подумали ли вы о том, мсье Дожар, что, не будь смертных, вам самому пришлось бы выращивать хлеб на полях, защищать стада от волков, укладывать камень за камнем в стены замка и выравнивать скалы ради проезда там вашего конного экипажа? Да, мы знаем, что применение магической силы делает для нас все эти занятия куда более простыми, нежели для низших существ, но уверяю вас, юноша, от этого процесс выгона и загона коров, их ежедневная дойка, приращивание камушка к камушку в стенах дома или перемещение созревшей брюквы с поля в холодный погреб не становится менее нудным. Вы все еще считаете необходимым истребление всех смертных до единого, мсье Дожар?

Юный граф не ответил, глядя куда-то меж стропил.

– Я так и думал, юноша, – кивнул учитель. – Как записано в Хартии: «Мудрый пасечник, забирая мед у глупых пчел своих, не стремится показать им своей власти и всемогущества. Ибо в испуге и слабоумии своем пчелы способны немало причинить боли пасечнику и нанести урон как улью своему, и делу хозяина своего. Посему народ изначальный согласился отныне скрывать присутствие свое на Земле, забирая надобное себе, но не открываясь урожденным

смертного племени без крайней на то необходимости». Вам же, мсье Дожар, было бы разумнее обратить свой гнев не на жалких, слабых полулюдей, а на могучего мага, научившего их столь гнусным поступкам.

– Кто это? Кто это был?! – слышались вопросы сразу с нескольких сторон. У юного графа презрительно дернулась верхняя губа. Видимо, он хорошо представлял, о ком идет речь... И не считал нужным делиться знанием с простыми школьниками.

– Хватит посторонних разговоров! – резко оборвал учеников сэр Ричард. – Нашей темой было искусство выживания, а не древние легенды. Посему я прошу уяснить всех и каждого, что ваша надежда на магию, амулеты и заклинания наивна и глупа. Против каждого «вэка», «морга» или «трунио» есть свои обереги и амулеты, против сторожевых заклятий и талисманов придуманы свои заклинания и ловушки. Наступление слабых чародеев всегда прикрывают сильные маги, а одинокий колдун обязательно постарается подкрасться к вам незаметно. Посему будьте уверены: в половине случаев вы увидите своего врага совсем не далеко на горе, наговаривающего страшные проклятия на дым костра, а рядом, на расстоянии вытянутой руки, уже к вам подкравшегося или шумно прорвавшегося через вашу защиту. И можете быть уверены, прежде чем вы поднимете палочку, любой боец успеет отстраниться от ваших заклинаний. А прежде чем вы свои заклинания договорите – он разрубит вас пополам! – И сэр Ричард Уоллес вдруг раскинул руки, со свистом разрезав воздух невесть откуда взявшимися клинками. – Если хотите выжить, юноши, учитесь рубить первыми.

– А девушки? – опять подала голос веснушчатая Аксьон.

– Наше искусство потому и называется гендерным, что оно у каждого свое. Свое – у мужчин, свое – у леди и свое – у метаморфов. Однако, дабы вы имели общее представление о способностях ваших возможных противников, первые занятия будут общими. Затем каждый пол будет заниматься по отдельности, а к выпускным экзаменам вы снова продолжите учиться вместе, дабы опробовать друг на друге полученные навыки. Учение без практики смысла не имеет. Но вернемся к основам. У кого из присутствующих есть боевые амулеты?

Среди курса поднялось семь рук.

– У тебя есть амулет? – изумленно шепнул приятелю недоморф. – Откуда? Тебе же всего... Пятый курс!

– Мама подарила, – не вдаваясь в подробности, ответил Кро.

– Сдайте их мне! На очередном уроке получите точные копии, но без серебрения. Во избежание травм в нашей школе ученикам разрешено только железное режущее оружие.

– У меня оно уже заменено, сэр Ричард Уоллес! – вскинул руку Арно Дожар.

– Прекрасно. Остальным амулеты сдать! – Учитель собрал у мальчиков их оружие, спрятал за пазуху. – Все прочие получают единые школьные клинки. Теперь хочу открыть вам еще один секрет, до которого вы доросли с сегодняшнего дня. Точнее, это закон, обязательный для исполнения всеми и каждым. Все вы знаете про Четвертое Пророчество, заставившее чародеев прекратить самоубийственную войну и заключить Хартию Единения. Пока вы были маленькими, вам говорили, что Единение позволило сделать всю планету одной страной, в которой невозможны кровопролитные войны. Теперь вы будете знать, как именно смогли добиться этого маги Совета Равных. Хартия запрещает любые союзы числом больше ста колдуна! Если этот запрет нарушается, Совет уничтожает нарушителя без всякой жалости, ибо от этого зависит существование всего нашего рода. Между малыми семьями или братствами возможны войны. Но они столь малозначительны, что не угрожают благополучию человечества. Столкновение крупных союзов способно вызвать большие войны, испепеляющие миллионы и миллионы жизней. Об этом запрете надлежит помнить и землячеству, и ордену Грифа, ибо исключения не будет сделано даже для вас. Вы перешагнули пятый курс и отныне обязаны отвечать за свои поступки. Второй закон запрещает вовлекать в споры магов обычных смертных, учить их сражаться с чародеями, убивать нас и вообще сообщать им о нашем существовании. Во время

Большой Войны смертные и так узнали о нас слишком много. Никто не желает повторения этой ошибки. Смертным нельзя знать о нашем существовании. Наказание за отступничество...

Сэр Ричард Уоллес плотоядно улыбнулся. Потом резко свел руки, мечи в которых тут же исчезли, и направился к стене, походя бросив:

– На сегодня все, до свидания.

Однокурсники потянулись к стене, через которую вошли. Битали, оглянувшись, чуть отстал и оказался рядом с хрупкой Анитой.

– Привет, – сказал он. – И как тебе первое занятие гендерики?

– Отлично, гусар! – Сильные руки взяли его за плечи и чуть сместили в сторону. – У тебя, оказывается, есть личный амулет? Интересно, откуда он у полукровки? А главное, зачем?

– Хочешь проверить?! – вспыхнул Кро.

– Что проверять-то, гусар? – снисходительно усмехнулся юный граф и обнял Горамник за плечо. – Ты ведь его сдал!

Девушка мельком глянула на Битали, и во взгляде ее не было ничего, кроме скуки. Воинственный азарт в душе Кро тут же погас, и он позволил прихвостням Дожара себя оттереть.

Но уже через четверть часа мысли о симпатичной отличнице начисто выветрились из его головы. Оказалось, что курс демонологии в школе маркиза де Гуяка вела совсем юная девушка невероятной красоты: лет семнадцати на вид, с длинными золотыми кудрями, большими глазами цвета индиго, широкими бедрами и несколько крупноватой для ее возраста грудью. Черное платье с влажными розами, чуть колышущимися от неощутимого для прочих ветерка подчеркивало каждый изгиб ее тела, пухлые алые губки вызвали доселе незнакомое томление в груди, руки сами тянулись к бархатистой коже, желая прикоснуться к ней хотя бы кончиками пальцев. Она говорила что-то про типологию демонов востока и их навязчивость по отношению к изделиям из сандалового дерева – но Кро мог лишь смотреть. Смотреть на шевеление губ, движения рук, любоваться тонкими изящными пальчиками, один из которых был украшен печаткой со змеей, сплетенной в восьмерку поверх слабо светящегося сапфира.

– Профессор Эления Клеотоу, – чуть слышно шепнул ему на ухо недоморф. – Она самая. Все знают, что она преподает в школе уже тридцать лет, но каждый мальчик мечтает быть наказанным и остаться у нее после уроков.

– Оставляет?

– Еще как! – как-то глубоко изнутри издал слабый смешок его сосед. – После этого такой счастливчик вскрикивает от любого шороха и обходит девочек за два арпана!

– Почему?

– Не знаю, Битали. Не оставался ни разу. Но ты знаешь, все парни в курсе, чем это кончается, – и все равно все хотят остаться...

– И не забывайте, мадемуазель и мсье! – повысила голос профессор Клеотоу. – Ваш долг как честного праведного мага – капсулировать любого встреченного демона в амулет и сообщить об амулете и заклинании управления всему нашему сообществу, дабы каждый при необходимости мог воспользоваться силой демона для благих целей.

– И кто-то так поступал, профессор? – поинтересовались из занятого «троллями» ряда.

– Я таких случаев не помню, – усмехнулась девушка. – Однако это не значит, что я не должна рассказать вам о правилах хорошего тона. Надеюсь, все запомнили мои слова? Проверю на следующем занятии. Все свободны!

Учительница исчезла, по рядам прокатился тоскливый вздох, и только после этого школьники поднялись с мест.

– Эй, гусар, слюни подбери! – громко посоветовал Арно Дожар.

Все засмеялись. Даже Кро. В первый момент он не сообразил, что слова относятся к нему, а отвечать на подколку спустя полминуты было уже поздно.

Класс стремительно пустел, и когда Битали сложил учебник и тетради, то оказался в полном одиночестве. К счастью, мальчик уже начал немного ориентироваться среди трех корпусов замка и нашел дорогу в башню без особого труда. Памятуя о столпотворении во время вчерашнего обеда, Кро сразу отправился в столовую – однако здесь уже успела набиться толпа. Ему опять пришлось есть стоя, а потому уйти полуголодным.

Во дворе вовсю кипела игра: «орденцы» сражались против «троллей» и сборной команды, в которой Битали увидел Дожара вместе со всей свитой и нескольких незнакомых ребят – видимо, с другого курса. Кро свернул к стене, на скамье для зрителей подсел к рыжему, сильно конопатому пареньку.

– Привет! Я тут новенький. Скажи, а как в игру можно вступить?

– Как обычно, – пожал плечами тот. – Команда набирается, забиваешь себе корзину, берешь мяч и подключаешься. Правда, чем позже начнешь, тем меньше очков набрать успеешь. – Рыжий на секунду повернул голову. – Ты из землячества? Так со своими договаривайся, чего меня спрашиваешь?

– Я ниоткуда. Говорю же, новенький. Второй день всего учусь.

– А живешь где? В братстве или какой команде?

– В башне пока обитаю...

– Кролик, что ли? – Конопатый мальчишка опять стрельнул в него взглядом и отсел подальше. – Ну, так с кроликами и играй! Чего ко мне лезешь?

– Я никакой не «кролик»! – повысил голос Битали. – Просто меня туда директор пока поселил.

– Там, в башне, только кретины, вонючки и уроды живут! – отрезал рыжий и, сдвинувшись еще дальше, демонстративно повел носом, принюхиваясь. – Раз тебя туда поселили – значит, и ты такой.

– А в нюх схлопотать не хочешь? – поднялся Битали. – Может, проверим, кто из нас нормальный? А, козел недорезанный?

– Ребята, тут кролик ушами пободаться хочет! – громко сообщил рыжий и тоже встал.

К нему тут же подтянулись еще несколько мальчишек. Все они, как и рыжий, носили на вороте треугольник «ордена». Кро понял, что честной драки не будет. Будет избиение толпой его одного.

– Еще увидимся, – пообещал Битали и ушел в ближнюю стену, не обращая внимания на улюлюканье за спиной.

В башне Надодух кормил у распахнутого окна своего ворона.

– Это ты? – поинтересовался он, поглаживая птицу по голове. – Смотри, опять сбежал. Не может он в общей клетке жить. Волю любит.

– Ты не знаешь, отчего ребята свою команду орденом Грифа назвали? – бухнулся на постель Кро. – Потому что падальщики?

– Не знаю, – пожал плечами недоморф. – Орден здесь с незапамятных времен существует, забыли все давно, отчего и почему. Другие братства возникают, распадаются, а эти в школе всегда были. Ну и «тролли», само собой. Это те, которые из здешнего землячества, из ближних городов или поселков. Они школу своей считают.

А хозяева земли, сам знаешь – это тролли. Потому так и прозвали. Прочие же землячества – это просто земляки. Правда, на нашем курсе таких нет, не повезло. Может, и нам бы место нашлось... А тебя чего, в орден не приняли?

– С чего ты взял? Очень надо!

– А чего ты тогда на них взъелся?

– Просто любопытно.

– Ну, если просто... – Опять пригладил перья на черной голове сосед. – На самом деле в ордене хорошо. И поесть можно спокойно, и в квидик есть с кем поиграть, и в драке они все

друг за друга заступаются, и после школы, говорят, друг друга в войнах не убивают. Уговор у них такой. Не клятва, а по обычаю.

– Что же ты тогда не в ордене?

– Мне, Битали, здесь спокойнее... – Недоморф взял ворона за бока, подкинул в воздух и закрыл окно. – Здесь меня недоделанным никто не называет, мохнатым уродом, полукровкой, шпунской зверюшкой. Никто не говорит, что псиной воняет или блохи скачут. А что кроликом иногда кличут, так это только на уроках. Лучше уж кроликом, чем недочеловеком. Это тебе, мсье Кро, оказаться «кроликом» – по гроб жизни не отмыться. Так что просись в орден, мой тебе совет, пока кличка не прилипла.

– Козлы они все!

– Козлы, может, и козлы, – хмыкнул недоморф, – но хоть не кролики. Ладно, пошли. Обед заканчивается, сейчас метаморфизм будет. Послушаешь, что про меня умные люди рассказывают.

Преподавателем метаморфизма оказался плохо выбритый старикашка в коричневом, выцветшем и плохо чищенном костюме, с вытянутой вперед на тощей шее головой, делавшей его похожим на грифа. Усевшись за стол, он нудным, размеренным тоном принялся диктовать правила внесистемного обращения, совершенно не интересуясь, успевают ученики конспектировать его лекцию или нет. Понять, что означают длинные витиеватые фразы, с первой попытки было невозможно, и Битали с тоской осознал, что все записанное придется перечитывать раза два или три в личное время.

Утешало лишь то, что лекция профессора Уолта Традиша никак не перекликалась с тем, что написано в учебнике – его Битали успел пролистать еще до приезда в школу великого маркиза. Значит, силы потрачены не зря, не на пережевывание того, что и так все знают.

– Захвати мою тетрадку, – попросил Надодух, когда старый метаморф закончил свое бубнение. – Прошвырнуть по парку, пока оборотни не выползли.

Не дожидаясь ответа, он пододвинул к Битали свой конспект и шустро выскочил через стену наружу. Кро подошел к окну, приподнялся на цыпочки.

– Ерунда, второй этаж, – подсказали сзади. – Я тоже первую неделю никак не мог сориентироваться, где нахожусь. То ли на крыше, то ли в подвале. Ни дверей нет, ни надписей, лестницы без окон, половина кабинетов тоже глухие.

Темноволосый курносый мальчик положил тетради на подоконник и протянул ладонь:

– Привет, я Ронни Завьялов. Тоже первый год как в этой школе.

– Битали Кро, – ответил на рукопожатие Кро и ткнул пальцем в треугольник на воротах нового знакомого. – Меньше месяца учишься – и уже член ордена?

– Ну, что такого? Мы же не «тролли», мы всех желающих принимаем. В смысле, если нормальный парень, конечно. Вот ты, вижу, тоже вроде нормальный. Только зачем-то со шпунской зверюшкой связался, вонючкой недоделанным.

– Меня директор к нему в комнату поселил.

И он ничуть не пахнет.

– Это потому что сухой. При тебе ни разу под дождь не попадал и в душ не ходил. Как намокнет – так вонь от него, как от дохлой псины. Поэтому никто с ним в комнате жить и не хочет, в кроличью башню выгнали. Мне ребята рассказывали. Или ты тоже... ущербный?

– Сам ты... – Битали быстро оглядел класс. Кроме него и Ронни, здесь больше никого не осталось, и заступиться за мальчишку было некому.

– Не обижайся. Раз ты нормальный, так это и хорошо, – дружелюбно улыбнулся Завьялов. – Вступай к нам в орден, сразу от половины проблем избавишься. У нас и команд для квича целых три, и свой этаж в корпусе, и с уроками всегда старшие помогут, и в столовой свои столы. Так что смотри, на кроликах свет клином не сошелся. А еще все наши друг за

друга всегда заступаются. Трусов в тот же день исключают, до полуночи. Надумаешь – могу дать рекомендацию.

У нас ограничений по членству нет. Вступишь – хоть завтра своих друзей приглашай.

– А как насчет ста одного члена?

– Так под запрет только те, кто старше четырнадцати, попадает. Только три старших курса. Ушедшие из школы тоже больше не в счет.

В общем, можешь не бояться, до запретной сотни орден и близко не дотягивает. Хотя, конечно, смотри сам. Коли трусишь, дело твое. – Мальчик сунул конспекты под мышку и решительно направился в угол. – Ну, пока. Приятно было познакомиться.

– Ронни, подожди! А что нужно, чтобы вступить в орден?

– Говорю же, ничего! – на ходу оглянулся однокурсник. – Просто приходи. Примем.

Сразу после урока Битали уселся за перечитывание конспекта, пока память оставалась еще достаточно свежей – но рекомендации профессора Уолта Традиша никак не лезли в голову. Там постоянно крутилось предложение вступить в орден, получить его защиту, право на удобную парту в классах и место за столом во время обеда, возможность играть вместе со всеми и иметь много друзей.

Предложение казалось очень соблазнительным. Слишком соблазнительным. Чересчур хорошим, чтобы быть правдой. Такие подарки не делают случайным людям на второй день знакомства. Членства в престижном обществе добиваются долгими стараниями. За рекомендацию – расплачиваются подарками или услугами. Получить приглашение в орден сразу по приезду в школу... Это больше походило на ловушку.

– Или, может, я внушаю симпатию с первого взгляда? – Кро захлопнул конспект. – Ладно, раз все равно ничего не понимаю, пойду хоть поем, пока толпа не набежала.

Во дворе замка, разумеется, опять шла игра. Свободным оставалось только одно кольцо – под остальными настороженно приплясывали защитники, пытаясь смотреть сразу во все стороны. Команды проводили атаки по нескольким направлениям одновременно, выискивая слабости в чужой обороне, то объединяясь для общего нападения на третьего противника, то прорываясь к площадке недавнего союзника, стоило тому увлечься борьбой против четвертого соперника. Битали замедлил шаг, следя за игрой, слушая выкрики болельщиков, в которых советы то и дело перемежались проклятиями и угрозами. У противоположной стены он заметил Арно Дожара. Тот вместе с прихвостнями и тремя девочками что-то живо обсуждал, указывая на игроков. Время от времени он подскакивал, вскидывал руки, словно собираясь разразиться аплодисментами. Потом, разочарованно махнув, усаживался обратно, оглядывался за поддержкой на подружек. Из однокурсниц там была Анита Горамник, и неожиданно для себя Битали ощутил в душе неприятный укол. Он отвернулся и торопливо нырнул в столовую.

Здесь и правда оказалось почти пусто. Кро не спеша очистил и съел апельсин, получив тем самым право на порцию жареной рыбы и пару жирных свиных сарделек, запил все это горячим шоколадом, скормил посуду седому морщинистому столу и отправился к лестнице. Но во двор возвращаться не стал. Поднялся тремя витками выше, протиснулся сквозь стену в довольно широкий коридор – шага четыре, а то и пять.

Гобелены на жилой корпус администрация школы пожалела. Здесь с потолка светила полная луна, причем по ней то и дело пробегали мелкие облака. Рассыпанные звезды образовывали вполне понятный геометрический узор: множество треугольников остриями вниз. Видимо, знаки отмечали места прохода в комнаты. Разумеется, тут имелся и гриф: птица с серебряными крыльями, широкой грудью, неестественно большим хвостом и взъерошенными на шее золотистыми перьями возникала и тут же исчезала то на потолке, то на стене, то вдруг оказывалась в воздухе прямо посреди прохода.

– Чужакам вход запрещен! – звонкими детскими голосами предупредили мальчишки-первокурсники, выскакивая перед незванным гостем. – Здесь земли ордена!

– Где вы видите землю, недомерки? – покачал головой Битали.

– Уходи, или я позову Густава и Митридата со старшего курса! – предупредил один из мальчишек, и второй уверенно подтвердил:

– Да! Позовем!

– А вы тут что, дежурные псы?

– Мы стражи ордена! Уходи, пока мы не подняли тревогу!

– Постарше никого не нашлось?

– Если придут старшие, тебе не поздоровится!

Далеко в коридоре появились еще двое малышей, тянувших куда-то под луну большое и явно тяжелое деревянное ведро. От босых ног оставались мокрые отпечатки.

– У вас, говорят, есть комната для занятий?

– Этот этаж принадлежит ордену! Не твое дело! Чужакам тут искать нечего! – в два тонких ломких голоса продолжали возмущаться первокурсники. – Уходи! Уходи, не то хуже будет!

– Хорошая штука орден... – Битали решил, что увидел достаточно, и вернулся на лестницу.

Сбежал вниз, попытался выскочить во двор – но промахнулся и попал в коровник, встряв аккурат между двумя тушами. Не в переносном смысле, а в самом что ни на есть прямом: солома под ногами, набитые сеном ясли, резко пахнущие животные.

– Вы-то здесь откуда?!

Коровы, мерно шевеля челюстями, повернули головы. Кончики рогов сверкнули стальными наконечниками. В голове промелькнула шальная мысль про боевых животных, Кро спешно вскинул палочку... Однако буренки оценили его пустыми бессмысленными взорами и безмятежно вернулись к кормушкам. Почему-то подумалось, что Горамник смотрела на него точно так же.

– И на том спасибо... – Он развернулся, выскочил на ступени лестницы и чуть не сшиб с ног тощую Генриетту Вантенуа, на этот раз облаченную не в платье, а в свитер и махровые шаровары.

– Осторожнее, окаянный! – отступила девушка. – Откуда ты тут взялся?

– Понятия не имею. Из коровника. Это какой этаж?

– Раз с коровами, значит второй. А зачем ты в хозяйство профессора Налоби забирался? За молоком?

– Коровы? На втором этаже? Почему? Их бы еще на крышу забросили!

– Нет, на крыше наши их... – Она вдруг осеклась, чуть подумала и улыбнулась: – Совсем из головы вылетело, ты же новенький. И тоже не метаморф.

– Да, не метаморф. Уж извини. Меня зовут Битали Кро.

– Я знаю. Мы на одном курсе, забыл?

– Так ты, значит...

Сверху послышался знакомый шелест, топот ног по ступеням, сверху показались сразу несколько ребят:

– О, Генриетта! – весело узнали они девушку. – Смотрите, она уже новичка сцапала! Смотри, парень, эта сжует, и как звать не спросит.

– Дураки вы все! – Она резко оттолкнула Битали, все еще загораживавшего ей дорогу, проскочила мимо мальчишек и молниеносно скрылась за витком лестницы.

– Пожалуйста, мсье... – посторонились школяры, театральными жестами предлагая Кро броситься в погоню.

Но он отмахнулся и отправился вниз. Один виток, стена... И он оказался в темной пустой аудитории, подсвеченной лишь глазами одинокого кота, сидящего на небольшом портрете.

– Хоть бы один указатель повесили! – недовольно сплюнул Кро. – Это же издевательство!

– Умный ищет способ, а глупый – повод, – не к месту высказался портрет.

– Не хватает еще, чтобы меня дохлые кошки поучали! – Битали мысленно прикинул, с какой стороны двор, и стал пробираться между столами к нужной стене.

– Как ты смеешь, наглец?! – Портрет так сверкнул глазами, что комната стала светлой, словно полуденный пляж. – Я старше тебя на двести лет!

– А как был котом, так и остался, – парировал Кро и, довольный собой, выскочил сквозь кладку на траву.

Во дворе замка все еще продолжалась отчаянная схватка за мячи, и на появление школьника из необычного места внимания никто не обратил. Битали вдоль стены дошел до знакомого ориентира, попал точно на лестницу и уже без всяких приключений вернулся в башню. Закинув в рот пару конфет, он опять уселся перед конспектом, старательно отгоняя мысли об ордене, коровах, девушках и возможных подвохах в неожиданном соблазнительном предложении. Получалось плохо, и Кро, захлопнув тетрадь, занялся тренировками на концентрацию: писал на листке предмет, о котором требовалось размышлять, после долго о нем рассказывал, а когда проходило десять минут – останавливался и смотрел на запись.

Первые три раза его рассуждения закончились все тем же орденом и его хитростями. Затем два раза он почти удержался в заданном русле. На шестой попытке все опять закончилось орденом, а на седьмой, начав с вечного пера, он остановился на том, что у щуколицей Генриетты вполне даже красивые карие глаза.

Еще два захода принесли потрясающий успех: начав с кувшинки, он закончил по крайней мере рыбьей чешуей, а затем, начав с чешуи, закончил плоской, как прикроватный коврик, камбалой! Однако похвастаться было некому: недоморф, несмотря на сгущающиеся сумерки, все еще не появился, и даже ворон его пока не прилетал. Посему, вознаградив себя парой конфет, Битали переоделся, сходил в душ и уже в полной темноте забрался под одеяло.

Он уже крепко спал, когда по лицу прокатилась волна ледяного холода и тихий голос шепнул в самое ухо:

– Идем со мной, это важно.

– М-м? – еще толком не проснувшись, приоткрыл глаза Кро. – Ты чего?

– Идем со мной! – отпрянул одетый в длинную майку Надодух. – Идем, идем, скорее! Идем, идем, идем! Важно, важно, важно...

– Чего? Сколько времени?

– Идем! Скорее! Это важно! Очень важно!!! Идем, идем! – Сосед нетерпеливо приплясывал у подоконника со стороны двора! Скорее, ты нужен!

Недоморф взмахнул рукой и исчез.

– Ну, смотри, – сев в постели, покачал головой Кро. – Если это дурацкий розыгрыш для новичка...

Он сунул ступни в тапочки, сгреб со стола волшебную палочку, добрал до подоконника, тихонько по нему стукнул и выбрался в сумеречный коридор, изрядно забитый слабо светящимися существами. Разглядеть толком призрачную компанию Кро не успел – слева ему в щеку уперлась огромная рогатая голова с красными светящимися глазами. Холодная, словно только что из погребка.

– Дурацкая шу... – начал было отчитывать недоморфа Битали, как голова вдруг с силой нажала, заваливая его на пол, и большущее копыто устремилось точно в лоб.

Мальчик извернулся – просто чудом в самый последний миг спасшись от удара, – толкнулся от стены ногами, проскальзывая к задним ногам буйвола, нырнул под хвост, вскочил, разворачиваясь:

– Если ты...

Однако обращаться было не к кому. В коридоре перед безмолвным каменным сфинксом стояло не меньше десятка привидений и один буйвол с огромными рогами, но при этом начисто

лишенный шкуры. Коричневые в полумраке мышцы перекатывались могучими шарами: зверь попятился, поднялся на дыбы, разворачиваясь в узком коридоре.

Рука мальчика привычно скользнула на грудь... Но алого боевого амулета на месте не было.

– Проклятье... – сглотнул Битали.

Буйвол наконец-то развернулся. Удар передних копыт о плиты пола заставил содрогнуться весь замок, тяжелая рогатая голова опустилась, сверкнули налитые кровью глаза. Юный чародей выставил перед собой, словно шпагу, короткую вишневую палочку, облизнул разом пересохшие губы – но ни единого подходящего заклинания вспомнить не смог. Зверь утробно рыкнул, начал разгоняться.

– Проклятье... – жалобно выдохнул Кро и кинулся бежать.

Топот надвигался, справа и слева мелькали ковры и гобелены. Стены, стены, стены... Сколько шагов, в какую сторону он промчался, Битали совершенно не представлял – но спина его явственно чувствовала уже совсем рядом мертвецкий холод, всем своим нутром он ощущал близость смертоносных рогов.

– Проклятье! – в третий раз обругал он свою судьбу, нырнул под первый попавшийся гобелен и ткнул палочкой в камень: – Онберик!!!

Правый рог буйвола со скрежетом процарапал непобедимую многовековую кладку – но Битали услышал это уже с другой стороны стены, находясь внутри маленького помещения с широким окном. Стол, шкафы, бархатные шторы, два скрещенных зонтика возле дверей с засовом размером с руку взрослого человека... Похоже, это был чей-то кабинет.

– Запретное место... Запретное место... – Один за другим начали просачиваться внутрь призраки, излучая своей эфемерной плотью хоть какой-то свет. – Запретное место... Директор... Наказание...

– Тут даже привидения не от мира сего! – сплюнул Битали. – Трех слов связать не могут. Что это за тварь, можете сказать? Чего ей нужно?

– Запретное место... Ты умрешь... Наказание... Умрешь... Запретное место... – кружась вокруг мальчика, занудливо предрекали белесые тени былой жизни.

Из коридора доносился топот, скрежет, стена то и дело сотрясалась от ударов.

– Проломиться сюда он сможет? – с надеждой поинтересовался Кро.

Однако здешние привидения словно лишились разума: лишь выли, пугали и кружились в плотном хороводе.

Стена содрогнулась, в шкафу что-то звякнуло, покатилося.

– Кажется, может, – понял Битали, присел, дождался следующего удара и резко выдохнул: – Онберик!

В коридоре было почти совершенно темно: зверюга посрывала со стен все украшения и сладострастно утаптывала их, раскачиваясь и боком стучась в стену. Своей жертвы ободранный буйвол не заметил, и мальчик, низко пригибаясь и стараясь ступать как можно осторожнее, двинулся вдоль коридора.

– Умрешь, умрешь... – Повыскальзывали следом призраки и зависли над Битали, словно специально стараясь его подсветить.

Чудовище, обсыпанное пылью, облепленное паутиной, сделалось совсем похожим на нормальное живое существо – голое мясо под слоем грязи почти не проглядывало. Оно загукало, застучало копытами по стене, поднимаясь на задние ноги, вот-вот готовое развернуться.

«Раз шкуры нет – значит, оно мертвое, – щелкнуло в голове мальчика. – Обычный оживленный мертвец».

Битали решительно вскинул палочку... Но никаких новых идей в голове больше не возникло. Все заклинания, даже самые простые, выветрились из памяти.

– Подожди минуту, – попятился он, а потом со всех ног кинулся бежать.

Замок вздрогнул: буйвол развернулся и встал на все четыре ноги. Загрохотали копыта. Но на этот раз Кро успел набрать приличную фору. Затормозив перед сфинксом, он даже помахал чудовищу ладошкой, прежде чем стукнуть магическую дверь палочкой.

– А-альбо! – едва попав в комнату, громко вызвал он свет и кинулся к столу.

– Ты чего, с ума сошел, окаянный? – поднял голову с подушки Надодух. – Ночь на дворе!

– Ты чего, спишь? – не поверил своим глазам Кро. – Ты же сам меня минуту назад...

Однако измятая постель, сонная морда недоморфа, сваленная на стуле одежда ясно показывали: сосед по комнате действительно безмятежно почивал, не ведая о творящихся напастях. Да и длинной майки среди одежды видно не было.

– Гаси свет, Битали! – потребовал Надодух. – Я тебя когда-нибудь будил? Вот и ты...

– Учебник по магии возьми, – махнул на него рукой Кро. – Ищи, как от оживленного мертвеца избавиться.

– Зачем? Тебе кошмар приснился?

Но тут на боевой ярус старинной башни подоспели призраки, ровной чередой подплыли к Битали, взяли его в круг и нестройно завывали:

– Ты умрешь, умрешь, умрешь...

– Ой, мама... – Недоморф натянул одеяло на голову, но тут же откинул, вскочил, перебежал к столу, лихорадочно зашуршал страницами. – Я помню... Отнятие жизни... Помню, Филли рассказывал.

– Есть! – Битали Кро ткнул пальцем в строчки раскрытой книги. – Чтобы лишить упыря жизни, ему нужно напомнить, что он мертв.

– А там упырь? – вернулся к постели Надодух.

– Хотел убить – значит, упырь, – раздвинул призраков Битали. – Прочие безобидны.

– Ты к нему?

Собрав волю в кулак, Кро стукнул палочкой по подоконнику, вывалился между лапами сфинкса и, не поднимаясь, ткнул в горло чудовища кончиком магического оружия:

– Вюлес-с! Вюлес! Вюлес...

С последним словом массивная туша плашмя, с мокрым шлепком ухнулась о каменный пол, а сверху на нее тихо осел распоротый надвое гобелен с разбежавшимися от костра охотниками. Влажно и чуть сладковато пахнуло свежими шампиньонами.

– В-вю... В-вю... – выскочил из-под сфинкса недоморф, и Кро быстро перехватил его за запястье:

– На меня не показывай!

– Где он? Упырь где? – закрутил головой сосед.

– Вот лежит, – кивнул на буйвола Битали. – Теперь это просто мясо.

– Ничего себе махина! Как он сюда попал?

– Я думал, ты знаешь...

Надодух покачал головой:

– Чего теперь делать будем?

– Не знаю... – зачесал палочкой в затылке Кро. – На пожарах я бывал, а вот под копыта не попадал еще ни разу.

– С ума сошел! – оттолкнул сосед палочку от его головы. – А вдруг остаточная сила от заклинания осталась?

– Я вот думаю... Спать, Надодух, пошли. Нам с тобой это чудовище отсюда все едино не утащить. Пусть домовые духи разбираются.

– Ты сможешь заснуть? После того, как на тебя упырь кинулся?

– Не знаю, – честно признался Кро. – Но не здесь же нам до утра маяться?

– Это точно, – согласился сосед. – Может, он тут не один. Давай сваливать.

Ученики переместились в башню. Надодух тут же завернулся в одеяло, уселся на постели, а вот вокруг Битали закружили призраки:

– Ты умрешь, умрешь, умрешь...

– Да что это с ними сегодня? – вскинулся недоморф. – А ну, пошли отсюда!

– Оставь, не трогай! – вскинул руку Битали. – Прогонять призрака – плохая примета.

– Да? – удивился Надодух. – Первый раз слышу.

– Мама говорила, – взбил подушку Кро, – привидения оставлены на земле Создателем для нашего спокойствия. Ведь их существование – это главный знак того, что души наши бессмертны. Что после смерти мы не исчезнем, а всего лишь станем бесплотны. Прогонять призрака – значит прогонять свое бессмертие.

– Чего же ты раньше не предупреждал? – забеспокоился недоморф. – Мы их... А они, значит... Трудно было сказать?

– Наверное, потому, что мы только второй день знакомы. – Битали взмахнул палочкой: – Оскури!

Свет погас. Теперь мрак разгоняли лишь унылые фигуры, продолжающие вещать о скорой кончине.

– Может, они ненастоящие? – предположил Надодух. – Наши так себя не ведут.

– Если ненастоящие, можешь прогнать, – зевнул Битали.

Сосед подумал, наблюдая за блеклым хороводом, но делать что-либо не рискнул и тоже завалился на постель.

Кро так и не понял, успел он заснуть или нет, когда его голова буквально взорвалась от резкого оглушительного свиста. Заткнув уши, он вскочил с постели, заметался по комнате – и вдруг так же неожиданно наступила полная, звенящая тишина.

– Что это было? – пробормотал Битали и вздрогнул, услышав звуки собственного голоса. – Хвала предкам, я не оглох.

– Директор... – простонал рядом недоморф. – Нас вызывают к ненормальному Бронте. Скорей одевайся! Если за десять минут не добежим, он дунет в свой свисток снова.

Кро подскочил к шкафу, выдернул серый костюм для учебы, стал спешно одеваться. Испытать пытку колдовским свистом второй раз ему очень не хотелось.

– Если домовых духов вызывают так же, – пробормотал он себе под нос, – я понимаю, почему они слушаются Филли Налоби. Но не понимаю, почему все еще не убили.

– Готов? – Надодух подбежал к входному подоконнику, вскинул палочку. – Тогда пошли!

Возле сфинкса было темно. Со всех сторон доносились шорохи, тяжелое дыхание – но гобелены на свои места еще не возвратились, да и ноги то и дело ступали на что-то мягкое. Однако разбираться было некогда: стремглав промчавшись через два корпуса, мальчики остановились в месте поворота коридора, переглянулись и одновременно коснулись палочками змеиной морды, небрежно нарисованной между двумя темно-синими коврами, что излучали мягкий голубоватый свет.

Профессор Бронте был черен. Его розовые в прошлый визит щеки впали, нос наоборот раздулся, став чуть не вдвое больше, глаза сузились до тонких щелочек. Увидев учеников, он встал, оскалил зубы в некоем подобии усмешки и громко хлопнул ладонями по столу:

– Семь драгоценных гобеленов! Пять ковров! Погублены невозвратно. Из них два – заговоренные еще самим маркизом де Гуяком! Шестнадцать полотнищ приведены в негодность и нуждаются в многомесячном ремонте! Это не считая разоренного погреба, трех севильных эликсиров и сильно попорченной стены! Вы! – указал он на учеников пальцами сразу обеих рук. – Вы опознаны! Оба! Вас видел мсье Цивик, найденный раненым недалеко от сфинкса. Он выходил в туалет и оказался затоптан освежеванной во вторник коровой!

– Я ничего не знаю, профессор! – Надодух поднял руку, словно на уроке. – Я спустился, когда все уже закончилось. Хотел помочь мсье Кро, он показался попавшим в беду. Вы можете спросить у призраков, они были у нас в башне почти все. Кроме, разве, баронессы...

– Я спрашиваю вас, мсье! – повысил голос директор.

– Но я ничего не знаю! Я пришел слишком поздно.

– Вас там не было, мсье Сенусерт? Вы ручаетесь за это своей рукой? – грозно зарычал Артур Бронте. – Тогда извольте положить ее в пасть этого зверя...

Профессор указал на выглядывающую из-под столешницы оскаленную морду.

Четыре резные ножки, удерживающие директорский стол, имели внизу когтистую лапу, копыто, птичью ногу и рыбий плавник. Головы сверху тоже были разными. Недоморф опустился на колено перед той, что походила на львиную, вложил левую руку в широко распахнутую пасть, погрузив по самое запястье. Шерсть на его шее, голове, ладонях встала дыбом, уши задвигались.

– Принимали ли вы участие в разгроме, случившемся у входа в башню Кролик этой ночью, мсье Надодух Сенусерт? – спросил профессор, выходя из-за стола.

– Нет, мсье Бронте... – Недоморф зажмурился.

Директор школы взмахнул палочкой, прикасаясь ею к углу стола, и... И ничего не произошло.

Надодух рывком вытащил руку, прижал ее к груди, словно пораненную, опять зашевелил ушами. Шерсть начала опускаться, отчего недоморф худел прямо на глазах.

– Говорил же, что это не я! – с явным облегчением выдохнул он.

– Вы тоже не принимали участие в случившемся разгроме, мсье Кро?

– Не принимал?! – возмутился мальчик. – Меня чуть не убили! Я спасал свою жизнь!

Я спустился в коридор, и там на меня накинулся здоровенный буйвол!

– Это была корова, – поправил директор.

– Нет, я помню! – мотнул головой Битали. – Это был огромный буйвол, от стены до стены. Злобный, как болотный тролль. Он кинулся на...

– Это была корова! – рявкнул директор. – Одна из трех, приобретенных для нашей кухни! Какой-то безмозглый шутник не только выкрал ее ночью и оживил, но и позволил этой нежити превратить коридоры сразу двух корпусов в один большой ветошник! И до вашего появления, мсье Кро, ничего подобного на моей памяти ни разу не случилось. Посему я хочу получить немедленный и правдивый ответ: это безобразие устроено вами?

– Это «безобразие» меня чуть не убило! – Попытка профессора перевалить вину на него возмутила мальчика до глубины души. – Я совершенно нормальный, прилежный ученик! Я никому и никогда не причинял вреда! Это в вашей школе по ночам шастают оборотни, из-за места за партой ученики норовят устроить драку, пообедать в столовой невозможно. Нигде нет ни порядка, ни воспитателей, ученики брошены на произвол, в коридорах бегают дохлые звери, вместо... вместо...

Битали очень хотелось сказать что-нибудь еще, обидное и хлесткое, но фантазия его, увы, истошилась.

– И поэтому, мсье Кро, вы решили отомстить? – Директор удовлетворенно вернулся за стол и плюхнулся в кресло. – Вы похитили из погреба корову, произвели обряд насыщения соками, после чего устроили погоню по школьным коридорам.

– Не делал я этого! Говорю же, я вышел из башни, и тут это чудище накинулось на меня и попыталось...

– С какой целью вы покинули свою комнату в два часа ночи?

– Меня разбудил Надодух... То есть не он...

– Я никого не будил! – тут же встрял недоморф.

– Это был не он, это был морок. Я спросонок не понял, но это был не человек. Он ни разу ко мне не прикоснулся, только звал. И был холодным. Морок.

– Это был не я, – кивнул сосед.

– У меня нет к вам никаких вопросов, мсье Сенусерт, – указал на недоморфа палочкой директор. – Вы можете возвращаться к себе.

– Похоже, Битали кто-то пытался убить, профессор. Его разбудили, выманили, а там...

– Ваша правдивость не вызывает сомнений, мсье Сенусерт, – повысил голос Артур Бронте. – К вам больше нет вопросов. Ступайте!

– Да, профессор, – кивнул недоморф. – До встречи, Битали.

Директор школы дождался, пока Надодух исчезнет, после чего широко, но недобро улыбнулся:

– Предлагаю вам, мсье Кро, признаться в своем проступке и понести заслуженное наказание. Это избавит всех нас от лишних сложностей и вернет жизнь школы в привычное русло.

– Я не оживлял никаких коров и никаких буйволов!

– У вас есть последняя возможность признаться.

– Я не сделал ничего плохого!

– Вы ручаетесь за это своей рукой?

– Я... Не понимаю.

– Положите свою руку в пасть моего льва, – ласково предложил профессор.

– И что будет?

– Если вы солжете, мсье Кро, лев сожмет челюсти и откусит вашу руку. Смею уверить, юноша, это будет очень и очень болезненное ощущение. После этого наш мудрый и многоопытный целитель Эшнун Ниназович приживит ее на место и залечит. Это также станет весьма и весьма неприятным воспоминанием вашей юности. После чего вы будете наказаны за ложь и все равно понесете наказание за свой ночной проступок.

– Я ни в чем не виноват!

– Тогда положите руку в пасть, мсье Кро.

Мальчик замолчал. По спине побежали неприятные холодные мурашки, остро засосало в желудке. Уверенность в своей правоте внезапно испарилась, словно ее никогда и не было.

– У вас все еще есть возможность признаться и понести наказание, юноша. Заслуженное наказание. После этого вы сможете спокойно продолжить свои занятия.

Битали посмотрел директору в глаза, опустил на колено, сжал пальцы левой руки и сунул кулак в распахнутую пасть.

– Признаться еще не поздно, мсье Кро. Уверю вас, получить наказание за шалость куда лучше, чем перенести тяготы лечения и кару за ложь помимо основного взыскания.

– Я ни в чем не виноват!

– Тогда я задам вопрос...

Битали с ужасом ощутил, как при последнем слове Артура Бронте клыки деревянной головы сжались, прочно удерживая его руку в ловушке.

– Участвовали ли вы в ночном безобразии, мсье Битали Кро?

– Это нечестно! – безуспешно попытался выдернуть руку мальчик. – Да, я дрался этой ночью с вашей дохлой коровой! Но я не оживлял ее! Я спасал свою жизнь!

– Вы думаете, кто-то станет покушаться на невинного мальчика, да еще в стенах надежно закрытой от чужаков школы?

– Я не думал! Я просто хотел спастись!

– Но вы ведь напятили корову из школьного погреба соками жизни?

– Я никого не оживлял!

– Так ли? – Кончик директорской палочки коснулся угла стола.

Деревянная челюсть дрогнула... И разжалась, отпуская руку жертвы. Кро отскочил, в точности как недоморф, прижимая к груди целую и невредимую руку.

– Это были не вы, мсье Кро, – крепко сжал губы профессор Бронте. – Жаль...

– Жаль?! Вам жаль?! – задохнулся мальчик. – Вы меня чуть не изувечили!

– Ваша невиновность, юноша, предполагает, что истинный преступник смог ускользнуть от нашего внимания... – Директор задумчиво потер лоб. – Это нехорошо.

– А что у вас тут вообще есть хорошего?! – не выдержал Битали.

– Мало, – кивнул профессор Бронте. – Это действительно так. Полагаю, у вас уже появилось желание убежать домой, к мамочке под юбку. Но прежде чем вы это сделаете, мсье Кро, хочу сказать несколько слов. В прежних своих школах вам доводилось изучать историю смертных? Тогда вы должны помнить, что происходило на протяжении столетий в тех землях, где посчастливилось возникнуть нашей школе. Вы знаете, что многие десятки веков в далеком Китае мудрецы предавались созерцанию и размышлениям, что арабы строили корабли и занимались торговлей, африканцы изучали астрологию, а русские возводили свои бесчисленные города. А здесь, в крохотной Европе, смертные убивали друг друга. Резали, жгли, топили, стреляли, отравляли болезнями, придумывали новые и новые способы смертоубийства и мучений. Вы помните, чем это кончилось, мсье Кро? В один прекрасный день здешние убийцы отправились в путь, они уничтожили или завоевали все встреченные народы и всего за пару веков покорили весь мир. И созерцателей, и торговцев, и ученых, и астрономов. Всех. Покорили, разграбили, сделали своими рабами, забрали себе накопленные ими сокровища. Весь мир. Понимаете, что это значит, мсье Битали Кро? Это значит, что сильные личности не вырастают в тепличных условиях. Достойный маг должен уметь принимать решения и отвечать за них. Он должен уметь брать то, что ему необходимо, силой или хитростью, должен уметь вступать в союзы и выходить из них, должен уметь делать выбор, а не прятаться за чужие спины. Школа маркиза де Гуяка никогда не славилась удобствами и богатством. Но здесь у нас каждый ученик вынужден так или иначе добиваться всего, что в иных колледжах достается ему без каких-либо усилий. Сытных обедов, удобных парт, развлечений или покоя. Мы не подвергаем жизни воспитанников риску, но приучаем к постоянной борьбе. Многим не нравится. Но знаете, мсье Кро... Двести лет назад в мире существовало тридцать семь учебных заведений по изучению чародейства. Лишь каждый двадцатый, получивший аттестат выпускник выходил из наших ворот. Но из магов, перешагнувших свой столетний рубеж, в наших стенах воспитывался уже каждый пятый. Из переживших второй век – наших выпускников больше трети... Ступайте, мсье Кро. У меня к вам нет больше никаких вопросов.

Надо дух, как оказалось, дождался соседа в коридоре.

– Ну как? – поинтересовался он, а глазами сразу стрельнул по рукам Битали. – Обошлось?

Кро поднял ладони над головой и торжественно сложил из пальцев две аккуратные фиги.

– Проверял? Нет?

– Конечно проверял, – кивнул мальчик. – Однако нравы у вас в школе. Я раньше думал, настоящая казарма – это колледж Гриника. Но у вас тут куда круче. Откусывать руки за вранье пока еще никто не догадывался.

– Никому еще не откусывало, – небрежно отмахнулся недоморф. – У директора врать еще ни один дурак не пытался. Слушай, так ведь, если ты правду говорил, получается, тебя убить кто-то хочет? То пожары вокруг тебя случаются, то коровы оживают. Ты чего, тайный принц? Тебя хотят уничтожить, чтобы престол достался полукровке?

– Настолько тайный, что и сам о том не знаю, – усмехнулся Битали. – Я, кстати, вчера коров профессора Налоби видел. Может, это он?

– У него коровы живые, – мотнул головой Надо дух. – Молоко для домовиков дают. А на тебя напала дохлая. К тому же у Филли рога посеребрены – специально, чтобы никто не перепутал.

– Да? А я думал, стальные...

– Мне интересно, почему профессор Бронте у призраков не спросил, как все случилось? Они там были, все видели. И у нас потом всю ночь крутились...

– А мне интересно, мы до первого урока поесть успеем, или время завтрака уже прошло?

Без еды они не остались – но мчатся потом в башню, а из нее на лекцию по колдовству пришлось бегом.

В подвале с черными сводчатыми потолками столы были вытесаны из тяжелого базальта, каждый имел десяток выемок для толчения составов, вымачивания, растирания, для воды и огня, над которым полагалось кипеть оловянному котлу с хитрыми зельями. К счастью, на этом уроке мадам Эджени Кардо устроила лекцию о сроках сбора корневищ для нутряных настоек, и Битали, никогда не собиравшийся посвятить себя бабскому чародейству с зельями и порошками, мог позволить себе слушать ее вполуха.

– Слушай, сосед, – наклонившись к недоморфу, поинтересовался он. – Ваши призраки всегда такие, как были этой ночью?

– Нет, конечно! – вскинулся Надодух. – Где ты видел привидение, висящее на месте, как мокрая простыня на веревке, и завывающее о смерти? Им плевать на смерть, они уже мертвые. Обычно они бродят по замку, болеют на соревнованиях, иногда сидят на уроках, а вечерами пытаются давать советы, как правильно себя вести и когда делать уроки. Тощий Ник, говорят, часто является ночами плохим игрокам и пугает их звериным рыком. Или иначе. Ирилий-борода пытается пробраться в женский корпус. Дырка, Араб Мануф и Голиаф после полуночи караулят коридоры и кидаются на всех, кто допоздна не ложится спать. Петрарка любит являться во сне старшекурсникам и читать стихи. В общем, призраки как призраки. Не скучают. Не знаю, что с ними ночью вдруг случилось.

– Но директор Бронте должен был их спросить о разгроме у нас в коридоре!

– Должен был. Но ведь не спросил.

– А если спросил? – понизил тон Битали. – Что, если кто-то навел на них порчу, и они ничего не помнят?

– Разве на призраков можно навести порчу? Они же... Их же... Их, считай, и не существует!

– Вспомни, как они себя вели... И ничего не рассказали.

– Откуда ты знаешь? Может, они как раз нас и выдали. Они ведь нас видели. И меня, и тебя. За нами в башню пошли. А что мог разглядеть в темноте этот затоптанный неудачник? Подожди, а тебя правда разбудил морок? Значит, все это было сделано специально против тебя, да? Скажи честно, Битали, за тобой кто-то охотится?

– Ерунда, совпадение. Во всех школах старшие любят разыгрывать новичков.

– Сделать толкового морока, оживить мертвеца... Да на это ни один старшекурсник не способен!

– Вы что-то спросили, мсье Сенусерт? – расслышала его восклицание мадам Кардо и пригладила васильковые кудри тонкими пальчиками с черными ногтями. Передник, юбку, руки пожилой учительницы тоже покрывали пятна от несчитанных капель сока всевозможных растений и зелий самого непостижимого назначения. Ослепительно белой оставалась лишь кофточка крупной вязки, небрежно накинутая на плечи.

– Да, мадам, – вскочил недоморф. – Вы говорили, их все нужно собирать на утренней росе?

– Совершенно верно, юноша. На утренней росе третьего дня после полнолуния, – жестом разрешила ему сесть мадам.

– У ведьм все на свете по росе происходит, – довольно подмигнул Надодух. – Не знаю, чего тут семь лет учить можно?

– Любые заклятия можно найти в учебниках, – продолжил размышлять вслух Битали. – Кому-то хочется опробовать... Когда что-то сложное получается, шутники начинают эту магию сплошь и рядом применять.

– Но раньше ничего такого не было! До твоего приезда.

– Знаешь, что нужно сделать, сосед? Нужно самим у призраков спросить, что они видели. И все будет ясно.

– У призраков? – порывисто зачесал рукой за ухом недоморф. – Правда. Нужно спросить, кого они видели, кто эту тушу в коридор затащил. Не могли же корову незаметно через стены и лестницы пронести! Тогда все ясно и станет.

– Ну?

– Что ну?

– Где можно найти ваши привидения? Ты тут с первого курса живешь, должен знать.

– Проще всего после полуночи выйти из башни. Все они, кроме баронессы, имеют то ли разрешение, то ли поручение наказывать учеников, вовремя не отошедших ко сну. К первому этажу это, понятно, не относится. Но если прогуляться ночью хоть у нас, хоть в учебном корпусе, кого-нибудь встретим наверняка... Кто это?

В аудитории возник мелодичный звон, и после короткой паузы через стену в класс перетек профессор Омар ибн Аби Рабиа, низко поклонился учительнице:

– Прошу прощения, мадам, но мое сообщение не терпит отлагательства. – Араб повернулся к школьникам: – Прошу вашего общего внимания, курс! В силу сложившихся обстоятельств директор Артур Бронте вынужден напомнить всем учащимся, что в нашей школе существует общий распорядок дня, который обязателен к безусловному исполнению! В силу отдельных событий мы пришли к необходимости жесткого наказания для нарушителей дисциплины начиная с десяти часов сегодняшнего вечера. В десять часов все ученики обязаны находиться в своих комнатах, к полуночи для всех и каждого обязателен отход ко сну. Покидать комнаты до первых лучей света запрещено без каких бы то ни было оговорок! Это всем понятно? Никаких исключений!

Профессор вскинул палец и обвел курс пронзительным взглядом.

– Разумеется, – уже не так грозно добавил он, – данное ограничение не распространяется на осознанных и неосознанных метаморфов. Однако всех перекидчиков прошу обратить внимание на вашу обязанность сообщать администрации школы в лице любого учителя о появлении в школе и на прилегающих территориях посторонних существ, в том числе смертных или иных животных. Особо указываю: вы должны не спугнуть или прогнать постороннее существо, а сообщить о нем первому встреченному преподавателю! Кстати, начиная с этого дня учителя станут по очереди дежурить в коридорах, обходя школу, так что это будет совсем не сложно.

– Бо-олотные духи, – восторженно прошептал Битали сосед. – Кажется, у нас в школе случилось большое «кря». Что-то крякнулось так, что всех учителей словно поджарило. Мадам Кардо, вон, даже лицом побелела.

– Кроме того, хочу напомнить всему курсу о правилах хранения зеркал! – хорошо поставленным голосом продолжил профессор. – Зеркала в шкафах должны видеть свет только в тот момент, когда вы открываете дверцы, чтобы взять одежду или быстро на себя посмотреться. Зеркала настольные должны лежать стеклом вниз, за исключением случаев, когда вам нужно посмотреться в них, либо выполнить самостоятельную работу по дальномирию. Гадание с помощью зеркал с сегодняшнего дня запрещено категорически! Особо обращаю внимание на это девочек: никаких гаданий с помощью зеркал, либо с вызовом духа из мира мертвых! Наказание за нарушение правил будет очень строгим, вплоть до исключения!

– Это уже не «кря», – толкнул локтем соседа Надодух. – Это у них, похоже, большой кирдык случился. Интересно, какой? Неужели все это из-за какой-то там дохлой коровы? Ты веришь, нет?

– Еще раз прошу прощения, мадам, – приложил араб руку к груди и поклонился учительнице. – Приказ директора довести изменения в правилах до всех немедленно. Иначе я бы, конечно, не посмел.

– Пожалуй, на сегодня достаточно, – вскинула подбородок мадам Кардо и дрожащим голосом закончила: – Хорошенько запомните все, что я вам сказала, перечитайте седьмую главу два раза. Носить в поле энциклопедию крайне неудобно, а ошибка при сборе растений всего в один час полностью меняет качество зелья из-за изменений насыщенности корней, стеблей и листьев жизненными соками. Можете идти!

– Ты глаза отводить умеешь? – шепотом спросил недоморф.

– Естественно, – пожал плечами Кро.

– Тогда не торопись. Задержимся в коридоре.

Остальные школьники, напротив, быстро сгребали тетрадки и справочники и торопились за стену. Видимо, после прозвучавшего предупреждения всем захотелось опустить зеркала на своих столах или закрыть наконец-то плотно набитый шкаф. Все почувствовали: в школе назревает какая-то беда. И не стоит накликивать ее на себя глупой невнимательностью.

– Привет, Битали! – остановился возле стола курносый Ронни. – Ну как, чего-нибудь надумал?

– Думаю, – отозвался Кро.

– Думай быстрее. Завтра полнолуние. Орден принимает новых членов только в час полного открытия. Не успеешь – придется ждать еще месяц.

– Да-да, потом, – махнул на него рукой Надодух, отсылая прочь, оглянулся и шепнул: – Кажется, пора. Сразу в коридоре наговор читай, пока не заметил никто. И потом даже не дыши. Пошли...

Как и советовал недоморф, Битали, едва пробив стену, тут же провел палочкой по телу, нараспев проговаривая заклинание:

– По-о-е-хту! – с последним звуком стряхивая свою внешность на несколько шагов левее.

В этом и было главное отличие отвода глаз от невидимости: краем глаза человека можно было заметить сразу в двух местах, но зато при прямом пристальном взгляде – ни тут, и ни там.

– Ты здесь? – услышал мальчик рядом голос недоморфа.

– Да.

– Она, кажется, плачет... Говорит, что происходит по матери из рода Сатексов, и Темный Лорд сожжет ее живьем сразу, как только увидит... Хочет уехать... Профессор фыркает и хмыкает, говорит, что у нее мания величия. У Темного Лорда, мол, будет слишком много куда более важных дел, нежели вычищать младшие ветви саксонских родов. Говорит, никакой Темный Лорд в школе не появлялся, это пустые фантазии... Она говорит про новые меры безопасности. Они сами, мол, боятся Темного Лорда, а ее обманывают. Теперь профессор... В общем, новые указы – это всего лишь меры предосторожности, а на самом деле никакого Темного Лорда нет. Она не верит... Вот плакса! Никогда не думал. Говорит, Лорд будет убивать всех, до последнего младенца, до последнего щенка, родившегося в проклятом доме. Лорд всегда купался в крови, это всем известно. Омар советует ей уехать, куда она пожелает, но тогда она может навсегда забыть о защите ордена. Лично Артура Бронте, его самого и всего ордена. Если она больше надеется на обезьян, то пусть потом пеняет на себя... Ага! Опять... Нет...

– Что «нет»? – не понял Битали.

– Она говорит, что Темного Лорда не смог победить никто. Его всего лишь обманули. И теперь он перебьет потомков всех, кто участвовал в обмане. А профессор говорит, что она связана перед школой словом и должна закончить курс, провести все обязательные занятия. Мадам смеется. Она не хочет быть честной, но мертвой. Смеется и плачет разом. Как у нее это получается? Я бы не смог... Ой... Ага, слышу... Ого! Наш Омар сказал, что если она предпочитает иметь двух опасных врагов вместо одного, то он уже ничем... Бежим, он уходит!

Кро кинулся бежать вдоль по коридору, свернул за угол и поскорее стряхнул с себя наговор – не хватало еще, чтобы на него сослепу кто-нибудь налетел! Двинулся дальше уже спокойным шагом. Вскоре мимо него стремительной походкой промчался профессор Омар ибн Аби Рабиа, с которого слетела вся его аристократическая чопорность, так удивлявшая Битали на уроке дальномирия. Учитель школьника вроде бы вовсе не заметил и ушел в стену перед лестницей.

– Что же это за Лорд, который их так взбаламутил? – стало любопытно Кро.

– А я знаю, – сообщил все еще невидимый Надодух. – Только раньше не верил. Это старый колдун, убийца магов. Должен вернуться и убить всех уцелевших. Потом расскажу, а то на метаморфизм не успеем. Бежим учебники менять.

В кабинет метаморфизма они влетели самыми последними, уже после профессора Традиша. Но вечно сонный старикашка не стал их отчитывать – лишь вяло махнул рукой в сторону свободной парты, – и все тем же занудным, бубнящим тоном произнес:

– Ввиду обстоятельств я должен отвлечься от общего курса и сказать несколько слов на особую тему.

Класс дружно раскрыл тетрадки и снял колпачки с вечных перьев, чтобы конспектировать учителя, но тот вдруг замолчал, обводя школьников подслеповатым взглядом, вздохнул и поморщился:

– Не нужно этого писать, дети. Это нужно запомнить. Вы должны знать. Должны знать, что в нашем мире есть сила, говорящая о добре, но творящая при этом самые страшные из страшнейших злодеяний. Не стану называть его имени, ибо это давно уже не принято в научном сообществе, – тихо, себе под нос пробубнил профессор. – Это был сильный, весьма сильный маг. Он обещал принести на землю покой и мир. С этими сладкими словами он и истребил почти всех чародеев, живших на севере этого континента. Всех, кто не пожелал признавать над собой его власть. Руки его были в крови по локоть, но почему-то многие и многие сотни магов все равно доверились ему, признали его своим господином и служили ему, равно королю. Больше того, дети, многие верны ему по сей день, готовы служить и исполнять его желания. Посему прошу вас всех... Всех... Если кто-то позовет вас служить наивысшим целям, отдать себя на благо всему человечеству... Бегите от него, дети. Бегите со всех ног. Те, что хотят осчастливить сразу всех, отчего-то начинают свои дела с уничтожения каждого в отдельности...

Профессор замолк и надолго задумался. А когда школьники начали подозревать, что он заснул, Уолт Традиш внезапно вскинул голову:

– А если кто-то станет призывать вас служению высшим целям в стенах школы, вы должны немедленно сообщить об этом директору, любому из учителей или хотя бы мне... Да... А теперь откройте свои тетради и начнем урок.

– Ничего себе, – склонив голову, удивился Надодух. – Даже старика Традиша проняло! А я думал, он уже пожизненно в полудреме. Навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.